

ПОЛЬСКОЕ ВОЗСТАНИЕ

въ 1863—1864 гг.

Записки Н. В. Берга.

I¹⁾.

Выходъ повстанцевъ изъ Варшавы. — Нападеніе на Плоцкъ и другіе пункты сѣверной части Царства. — Положеніе южной половины Царства. — Кѣльцы. — Солдатскій спектакль въ Ендржеевѣ. — Нападеніе на Бодзентинѣ, Едльню, Шидловець, Сточекъ. — Занятіе гор. Вязы. — Похожденія банды Рогинскаго. — Нападеніе на им. Кодень, Радзынъ, Луковъ; занятіе Казиміръжа и Сандомира. — Положеніе умовъ тотчасъ послѣ взрыва. — Выѣздъ Крашевскаго. — Масса «бѣлыхъ» присоединяется къ возстанію. — Послѣдствія этого. — Наши распоряженія. — Высылка первыхъ отрядовъ. — Венгровскій бой. — Бой подъ Семятичами. — Банды Богдановича, Нечая и Радзѣвскаго. — Банда Лелевеля. — Особая партія «бѣлыхъ». — Возвышеніе Лангевича. — Планъ нападенія на Вонхоцкъ. — Арестованіе повстанцами поручика Лускинд. — Генераль Маркъ атакуетъ Вонхоцкъ. — Лангевичъ отступаетъ въ Св. Кржискія горы. — Бой подъ Слупей-Новой. — Переходъ Лангевича въ Сташовъ. — Арестованіе помѣщика Петрова. — Пребываніе его у Лангевича. — Наблюденія его. — Банда Лакинскаго. — Преувеличенные слухи о силахъ повстанцевъ. — Движеніе изъ Варшавы большаго отряда на югъ Царства. — Намѣреніе Лангевича ударить на Кѣльцы. — Нашъ отрядъ предупреждаетъ его. — Бой подъ Малоподемъ. — Дѣйствія отрядовъ князя Шаховскаго, Медема и Штольценвальда.

¹⁾ Въ 1873 г., въ Москвѣ, вышло отдѣльною книгою соч. Н. В. Берга: «Записки о польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ» 1831—1862 гг., 8 д. 382 стр. и прилож. 68 стр. Книга состоитъ изъ семи главъ и объемлетъ событія въ исторіи польской смуты въ текущемъ столѣтіи за время съ 1831 г. по 17-е октября 1861 г., т. е. по день самоубійства генерала Герштенцевга. Послѣдующія событія, совершившіяся въ Варшавѣ въ 1862 году, рассказаны тѣмъ-же авторомъ въ «Русскомъ Архивѣ» изд. 1873 г. Настоящій очеркъ составляетъ въ общемъ, многолѣтнемъ и обширномъ трудѣ Н. В. Берга, десятую главу, въ нашемъ же изданіи первую, и представляетъ возможно полный очеркъ собственно вооруженнаго возстанія въ Царствѣ Польскомъ въ 1863—1864 гг.

Ред.

13

1863 г.

Грустно, полные тяжелыхъ предчувствій, выступали изъ Варшавы будущіе солдаты народнаго возстанія 16-го января н. ст. 1863 г. Многіе изъ нихъ, какъ были въ дорожныхъ платьяхъ и въ высокихъ сапогахъ, заходили въ костелы и открыто, на глазахъ всѣхъ, исповѣдывались у ксендзовъ. Полиція варшавская не мѣшалась въ эти, какъ бы нисколько не касающіяся до нея, дѣла..... Равно, никто не задерживалъ выступающихъ въ заставахъ, и они брели по лѣсамъ и полямъ, гдѣ—небольшими группами, гдѣ въ одиночку. Свѣтъ мало видалъ пилигримовъ безтолковѣ этихъ «варшавскихъ дѣтей», какъ ихъ скоро назвали товарищи, оставшіеся въ городѣ. Шли они сначала сами не зная куда, безъ всякихъ мало-мальски опытныхъ вождей, руководимые и ободряемые единственно своими сотниками и десятниками, которые столько же, сколько ихъ подчиненные, понимали цѣль похода, его средства, знали пункты для ночлеговъ и другихъ остановокъ, какъ и все прочее, что надо знать, двигаясь массами. Во время приваловъ (обыкновенно у корчмы или постоялаго двора, торчавшаго гдѣ-нибудь внѣ деревни на-юру) странникамъ приходилось выслушивать разныя ироническія замѣчанія отъ хлопцевъ, которые очень хорошо знали, что это за народъ, куда и зачѣмъ пробирается. «Что, братцы,—говорилъ имъ иной сельскій шутникъ,—идете до ласу, на доброе дѣло, по яблоки? Смотрите, какъ бы не были кислы!» Въ иныхъ мѣстахъ крестьяне до такой степени были недовольны наплывомъ лѣсниковъ, что являлись къ своему гминному начальству, или даже къ уѣзднымъ начальникамъ и командирамъ отрядовъ, и предлагали перевязать этотъ народъ, какъ непутящій и вредный. Начальство отвергало такія предложенія, отчасти по своимъ соображеніямъ, отчасти вслѣдствіе предписаній изъ Варшавы.

Варшавскія власти, очень естественно, думали, что холодъ и голодъ скоро заставятъ безумныхъ ратниковъ опомниться и вернуться назадъ; и дѣйствительно, нѣкоторая часть ихъ (впрочемъ, весьма незначительная) вернулась въ Варшаву и снова усѣлась за верстаки. Но главная масса шла себѣ и шла по лѣсамъ, куда глаза глядятъ, и съ каждымъ часомъ болѣе и болѣе осваивалась съ условіями страннаго и невыгоднаго своего положенія. Особенно бѣдственныхъ случаевъ ни съ кѣмъ однакоже не было. Ратники кое-какъ наѣдались и напивались. Мало по малу образовались и вожди у этой пестрой, безпардонной рати, сперва изъ бойкихъ сотскихъ и десятскихъ, которые прискивали своимъ подчиненнымъ укромные и бе-

зопасные ночлеги, находили пищу, устраивали веселые привалы в густых лесных труппах, у трескучих костров, и оживляли свое воинство патристическими пьсьнями. А потом явились и кое-какіе высшіе чины, присланные изъ ближайшихъ организаціи, одѣтые какъ подобаетъ начальникамъ, вооруженные хорошимъ оружіемъ—и произвели на лѣсниковъ пріятное впечатлѣніе. Въ заключеніе, пріѣздъ Владислава Яновскаго, отравленнаго центральнымъ комитетомъ въ сторону Сѣроцка (гдѣ скопилось, по разнымъ обстоятельствамъ, наибольшее количество повстанцевъ), и Падлевскаго, рослаго и красиваго парня, съ военными ухватками, въ щегольской чамаркѣ и накинутаго на нее франтовски богатой енотовой шубѣ, въ изящныхъ лакированныхъ сапогахъ, смотрѣвшаго настоящимъ паномъ и начальникомъ—окончательно одушевилъ скитальцевъ. Панн наговорили имъ разныхъ разностей, языкомъ, котораго они до тѣхъ поръ не слыхали; общали офицеровъ, оружіе. Последнее даже явилось кое-гдѣ, въ незначительномъ количествѣ, правда, кое-какое: ножи, косы. охотничьи ружья, но звонъ этого перваго, хоть и плохаго, оружія сдѣлалъ очень много: неопредѣленные, нестройныя группы стали формироваться въ банды. Начались муштры.

Такъ называемая Кампинская пуца ¹⁾ поглотила въ скоромъ времени главныя массы «варшавскихъ дѣтей». Къ нимъ присоединилось все то, что было приготовлено въ окрестностяхъ Плоцка разными лицами тамошней организаціи ²⁾, подѣ главнымъ руководствомъ бойкаго и энергическаго комиссара плоцкаго воеводства Эдуарда Рольскаго, грозившаго выйти изъ повиновенія комитета. если возстаніе будетъ отложено до весны 1863 года.

Рольскій и другіе высшіе чины плоцкой организаціи рассчитывали навѣрное взять Плоцкъ, въ ночь съ 22-го на 23-е января н. с., и огласить тамъ, для произведенія эффекта въ краѣ и въ Европѣ, явно народное правительство, и—кто повѣритъ: это дѣйствительно могло осуществиться, еслибы только въ бандахъ, скопившихся секретнымъ образомъ въ окрестностяхъ Плоцка и никому изъ нашего начальства невѣдомыхъ, былъ хотя какой нибудь порядокъ и онѣ могли дѣйствовать дружно; да прибавимъ еще: еслибы была хорошая погода, ибо погода играетъ важную роль во всѣхъ повстанскихъ предпріятіяхъ.

¹⁾ На лѣвомъ берегу Вислы, въ Варшавской губ., Сохачевскаго уѣзда, на С.-З. отъ Варшавы. Название получила отъ казенной гмины Кампинсь.

²⁾ Богѣ всего оказывали дѣятельности въ формированіи бандъ—по деревнямъ: Сечене, Пробощовице, Цѣлково, Возники и Вивяры—мелкіе чиновники Плоцка: Вольскій и Пострихъ, помѣщикъ Ковалевскій и отставной офицеръ Маркевичъ.

Военныя силы, занимавшія Плоцкъ въ концѣ 1862 года, состояли изъ трехъ ротъ Муромскаго пѣхотнаго полка, неполной сотни вице-унтеръ-офицеровъ, сотни казаковъ и 200 человекъ мѣстной инвалидной команды.

Часть этихъ войскъ, при слухахъ о движеніи «варшавскихъ дѣтей» въ Кампинскую пушу, была послана изъ города исправляющимъ должность военнаго начальника плоцкаго отдѣла, генералъ-маіоромъ барономъ Менгденомъ¹⁾, въ сторону Вышогрода, Плонска, Бѣльска и д. Сецене. Именно: къ Вышогроду и Плонску—маіоръ Славинъ, съ командой вице-унтеръ-офицеровъ, къ Бѣльску взводъ Муромскаго п. п., подъ начальствомъ капитана Стефановскаго, а къ д. Сецене маіоръ Радіоновъ, съ 40 человекъ того же полка.

Всѣмъ имъ велѣно было только искать повстанцевъ, разузнавать о формированіи бандъ, но боя съ ними, безъ задиранія съ ихъ стороны, отнюдь не начинать. Даже не заряжать ружей²⁾.

Едва только сказанныя части войскъ выступили изъ Плоцка, какъ пришло извѣстіе о скопищахъ подъ Цѣлковымъ, вслѣдствіе чего туда отправлено около роты Муромскаго п. п., подъ командой полковника Козлянинова.

Такимъ образомъ Плоцкъ оставленъ почти съ одною ротой и съ инвалидами.

Высланныя части его гарнизона бродили отъ деревни къ деревнѣ, отъ мѣстечка къ мѣстечку, напрасно ища повстанцевъ. Одна лишь колонна полковника Козлянинова наткнулась въ Цѣлковскомъ дѣсу на большую банду Постриха и Вольскаго, гдѣ былъ и Падлевскій, и при столкновеніи съ нею потеряла много людей, вслѣдствіе неловкихъ распоряженій начальника, который былъ убитъ, а 18 человекъ уцѣлѣвшихъ нижнихъ чиновъ, съ поручикомъ Пономаренко, направились къ Бѣльску³⁾, въ пяти верстахъ отъ котораго сошлись

¹⁾ Дѣйствительный начальникъ плоцкаго отдѣла, генералъ-лейтенантъ Семена, былъ тогда въ отпуску.

²⁾ Свѣдѣнія отъ этихъ начальниковъ частей. Необходимо замѣтить, что съ 4-го (16-го) декабря 1862 г. было снято военное положеніе съ Варшавской и Плоцкой губерній, за исключеніемъ городовъ: Варшавы, Калиша и Плоцка; уѣздовъ: Петровскаго и Липновскаго и всѣхъ мѣстностей при желѣзныхъ дорогахъ Варш.-Вѣнской и Варш.-Бромбергской (Dzien. Powsz. 1862, № 284).

³⁾ Такъ разсказано автору въ Плоцкѣ участниками въ этомъ дѣлѣ и генераломъ Менгденомъ. Въ Журналѣ Военныхъ дѣйствій сказано: «изъ вѣреннѣхъ ему (Козлянинову) донясто человекъ потерялъ 43 безъ вѣсти пропавшими и самъ былъ убитъ» (№ 1, стр. 2).

съ отрядомъ капитана Стефановскаго и рассказали ему все дѣло. Тутъ только Стефановскій рѣшился дозволить солдатамъ зарядить ружья ¹⁾).

Это было ночью, въ одиннадцатомъ часу, 22-го января н. с., то есть въ день, назначенный центральнымъ комитетомъ для нападенія на русскія войска.

Между тѣмъ, въ Плоцкѣ, съ утра того же дня, замѣчено необыкновенное движеніе на улицахъ. Въ обѣдъ узнали о гибели Козлянинова, вслѣдствіе чего генераль Менгденъ отдалъ жителямъ приказъ: «гасить огни въ домахъ съ 5-ти часовъ вечера, запретъ лавки и по улицамъ ходить не иначе, какъ съ зажженными фонарями». Ослушниковъ грозилъ подвергать штрафамъ и аресту ²⁾).

Войска, имѣвшіяся въ городѣ, разставлены такъ: на плацу, около гауптвахты, взводъ Муромскаго пѣхотнаго полка; другой взводъ—на плацу около ратуши; находившіеся на такъ называемомъ Черномъ Дворѣ (склады Муромскаго полка) мастеровые, нестроевая команда и человекъ 10 казаковъ, всего человекъ 50, назначены для защиты этого пункта. Инвалидная команда (около 200 человекъ) получила приказаніе защищать казармы.

Вечеромъ начались аресты, потому что много народу бродило по улицамъ безъ фонарей. Почти у всѣхъ арестованныхъ находили какое-нибудь оружіе, что явно свидѣтельствовало о приготовленіяхъ жителей къ чему-то недоброму.

Въ 9 часовъ усмотрѣно сборище на дворѣ Трибунала (Palas ro-Biskupi) и тутъ арестовано человекъ 40 вооруженныхъ горожанъ. Послѣ этого настала мертвая тишина. Лилъ дождь. Ночь была чрезвычайно темная. Вдругъ, въ половинѣ перваго по полуночи, раздался звонъ съ колокольной каедральнаго костела, названнаго по-просту тумъ ³⁾. Звонили съ четверть часа. Это былъ знакъ, чтобы всѣ «присягнувшіе» (przysiężeni) выходили изъ домовъ и собирались въ извѣстные пункты. Но никто не вышелъ. Тогда зазвонили во всѣхъ костелахъ, какіе-то люди ходили по улицамъ и стучали въ окна, повторяя:

¹⁾ Сообщено автору самимъ капитаномъ Стефановскимъ.

²⁾ Сообщено Менгденомъ. Датѣе—отъ него-же и другихъ лицъ, находившихся тогда въ Плоцкѣ.

³⁾ Нѣкоторые старые костелы въ Польшѣ принято называть тумами, отъ названія одной деревни близъ г. Ленчицы, гдѣ есть стародавній храмъ. Деревня эта звалась прежде *koszciół* или *kościół*, а потому Тум, что и получило послѣ однозначущее значеніе съ костеломъ, прожившимъ многіе вѣка. Во всей Польшѣ (какъ мнѣ говорили въ Плоцкѣ) насчитываютъ будто бы пять тумовъ: въ Краковѣ, Варшавѣ, Влоцлавскѣ, Плоцкѣ и близъ Ленчицы. Н. В.

«do bronі, panowie, do bronі!»¹⁾, но и это не послужило ни къ чему. Жители были перепуганы арестами и сидѣли смиренно.

Тѣмъ временемъ, вооруженныя толпы, пользуясь темнотою ночи, пробирались незамѣтно въ городъ разными улицами и заняли главныя площади, подъ руководствомъ адвоката Зегржды, смѣнившаго, въ концѣ года, плочкаго гражданскаго воеводу Глуховскаго, какъ человѣка нерѣшительнаго и нерасторопнаго.

Спустя немного по размѣщеніи повстанцевъ на площадяхъ и отдачи имъ соответственныхъ приказаній, грянулъ выстрѣлъ изъ одного дома противъ гауптвахты и положилъ часоваго. Вслѣдъ за тѣмъ таившіяся во мракѣ толпы ринулись на гауптвахту, но были встрѣчены залпомъ караула, который стоялъ въ ружьѣ и ждалъ нападенія съ минуты на минуту. Это произвело сильное смущеніе въ рядахъ повстанцевъ: они остановились и не пошли далѣе. Напрасно Рольскій леталъ изъ угла въ уголъ по площади на бѣломъ конѣ²⁾ и одушевлялъ растерявшихся: никто его не слушалъ!... Еще залпъ и нѣсколько ракетъ, которыя рѣзко и пронзительно зашипѣли надъ головами никогда не видавшихъ и не слыжавшихъ ничего подобнаго воиновъ,—и все окончательно разстроилось. Толпы бросились по домамъ и монастырямъ.

Одновременно съ нападеніемъ Рольскаго на гауптвахту, другая толпа повстанцевъ, подъ начальствомъ Постриха, вышла изъ-за ограды реформатскаго костела и окружила Черный Дворъ, но была точно также отражена.

Остальныя кучи, скрывавшіяся въ разныхъ пунктахъ города, видя разстройство главныхъ силъ, не нападали на войска вовсе и стали въ безпорядкѣ отступать и прятаться гдѣ случится.

За Бѣльской заставой стояла въ это время большая банда Ковалевскаго, прибывшая на подводахъ, въ видѣ резерва бандъ, которыя проникли въ городъ. Она могла еще поправить дѣло, явившись вдругъ въ улицахъ, но одна изъ ракетъ, пущенныхъ съ гауптвахты, случайно поднялась выше, чѣмъ слѣдовало, и, перелетѣвъ черезъ весь городъ, ударила какъ нарочно въ ряды повстанцевъ Ковалевскаго: они бросились въ разныя стороны, какъ испуганное стадо, и собрать ихъ въ кучу не было уже никакой возможности. Часть ихъ, отступая куда глаза глядятъ, наткнулась на капитана Стефановскаго, ко-

¹⁾ «Къ оружію, господа, къ оружію!»

²⁾ По показаніямъ другихъ, по площади ѣздилъ Бонча, а Рольскій въ это время входилъ въ Плоцкъ, съ другимъ отрядомъ, черезъ Добржинскую заставу. По словамъ Гиллера, въ это время управлялъ плоцкимъ возстаніемъ нашъ артиллерійскій офицеръ Бонча-Блащинскій (I, 36).

торный шелъ въ то время отъ Бѣльска къ Плоцку, а другая—на людей Радіонова.

Послѣдній захватилъ нѣсколько плѣнныхъ и самого предводителя, Ковалевскаго ¹⁾.

На другой день начались по городу аресты. Игравшій роль воеводы, адвокатъ Зегржда, будучи взятъ, застрѣлился.

Другія банды, сформировавшіяся въ болѣе отдаленныхъ мѣстахъ отъ Плоцка, подъ руководствомъ почтмейстера Войцѣховскаго, помѣщиковъ Штанкелера, Межеевскаго, Лукашевича и сына пастора Розенталя ²⁾, ударили въ количествѣ 400—500 человекъ, при тѣхъ же самыхъ условіяхъ (въ полночь, 10-го (22-го) января, послѣ звона монастырскаго колокола), на городъ Плонскъ, но были отражены ротой Муромскаго пѣхотнаго полка, подъ начальствомъ штабсъ-капитана Артамонова, выведенной заблаговременно на площадь и построеной въ каре. Большинство бѣжавшихъ скрылось на фольваркѣ ксѣндза, въ верстѣ отъ Плонска, гдѣ, послѣ, были частію перебиты, частію арестованы солдатами Артамонова. Въ самомъ городѣ захвачено 78 человекъ повстанцевъ и одинъ изъ предводителей, Межеевскій. Все это отправлено въ Ново-Георгіевскую крѣпость, которая оттуда всего 26 верстъ.

Военная добыча роты, которою командовалъ Артамоновъ, состояла изъ 253 штукъ разнаго оружія (штуцеровъ, косъ, пикъ и топоровъ). Наша потеря заключалась въ одномъ убитомъ и 19 раненыхъ ³⁾.

Говорятъ, были подготовлены нападенія на Липно и Праснышъ, но не состоялись, вслѣдствіе споровъ между вождями бандъ, изъ которыхъ главная находилась подъ начальствомъ какого-то Кольбе.

Въ Ломжинскомъ уѣздѣ Августовской губерніи было произведено нападеніе на мѣстечки Высокомазовецкъ и Менженинъ бандою Замечка ⁴⁾, съ такими же результатами, какъ и всѣ прочія: банда разсѣяна, потеряла много людей и оружія.

Вотъ, главнѣйшимъ образомъ, все, что случилось въ ночь съ 22-го на 23-е января н. ст. 1863 г. въ двухъ сѣверныхъ губерніяхъ Царства. О передвиженіяхъ мелкихъ бандъ и ихъ столкновеніи съ войсками говорить нѣтъ надобности.

¹⁾ Число людей въ бандахъ, нападавшихъ на Плоцкъ, съ точностію опредѣлено быть не можетъ. Во всякомъ случаѣ, было нѣсколько сотъ, можетъ статься—и за тысячу, довольно хорошо вооруженныхъ.

²⁾ Въ этихъ бандахъ было болѣе варшавскаго элемента, чѣмъ въ тѣхъ, которыя нападали на Плоцкъ.

³⁾ Свѣдѣнія изъ отряда Артамонова.

⁴⁾ Псевдонимъ помѣщика Цихорскаго.

Перейдемъ на другую половину Царства, за Бугъ и Вислу.

Здѣсь, послѣ Варшавской губерніи, гдѣ находились центральныя власти заговора, наиболѣе важное мѣсто занимаетъ Радомская губернія ¹⁾, съ ея отраслями Карпатовъ, густыми лѣсами и горными заводами. Югъ этой губерніи, касаясь австрійской границы, подаетъ руку древней столицѣ Ягеллоновъ—Кракову, донинѣ играющему немаловажную роль между польскими городами, какъ по своимъ историческимъ преданіямъ, такъ и по литературному и политическому движенію.

Здѣсь, подъ сводами стараго собора, дремлютъ кости Пастовъ и Ягеллоновъ: Болеслава IV, Казимира II, Лешка I, Болеслава V, Лешка II, Владислава I, Казимира Великаго, Владислава Ягелло, Казимира IV, Яна Ольбрахта, Александра, Сигизмунда I, Сигизмунда-Августа, и послѣдующихъ королей: Сигизмунда III, Владислава IV, Яна-Казимира, Михаила Корибута, Яна Собѣскаго, Августа II... Здѣсь, на старой Марьявицкой башнѣ, трубятъ ежечасно, на всѣ четыре стороны Кракова, мѣдная труба, напоминая жителямъ одно давнопрошедшее событіе... Здѣсь выѣзжаетъ всякій годъ на обширную рыночную площадь, во второй четвергъ праздника Пречистаго Тѣла Господня, такъ называемый Звѣржинецкій кониокъ, приводя на память страшный и славный мигъ, когда подошли къ городу несмѣтныя полчища татаръ ²⁾ и были отражены мужествомъ тогдашнихъ кракусовъ, вышедшихъ съ хоругвями и крестами, подъ предводительствомъ рыбака Звѣржинецкой слободы, который выстрѣлъ напередъ расположеніе непріятеля съ разныхъ высокихъ холмовъ и деревьевъ... На той же рыночной площади приносилъ когда-то присягу войскамъ и народу незабвенный вождь поляковъ Костюшко. Съ его копца и съ копца Кракуса ³⁾ Краковъ можетъ

¹⁾ Старое дѣленіе на губерніи, какъ и вездѣ въ разсказѣ.

²⁾ Въ царствованіе Лешка Чернаго, 1281.

³⁾ Конецъ Кракуса (Коріесъ Кракуса)—древній могильный курганъ этого героя отдаленныхъ временъ Польши, какъ думаютъ «перваго польскаго короля», основателя Кракова, лежитъ за Вислой, на Подгурже, близъ Кракова.

Конецъ Костюшки насыпанъ подлѣ Кракова за Вавелемъ, въ 1817 году, при участіи всѣхъ жителей города и его окрестностей. Привѣзжали и приходили туда лица разныхъ сословій, мужчины и женщины, и сыпали столько земли, сколько каждый могъ. Не одна аристократическая ручка оставила здѣсь хотя нѣсколько горстей. Въ основаніе кургана, какъ говорятъ, положено сердце Костюшки, тогда какъ все его тѣло покоится въ Краковскомъ соборѣ, на Вавелѣ, рядомъ съ Яномъ Собѣскимъ и Іосифомъ Понятовскимъ. На вершинѣ виднѣнъ довольно большой сѣрый камень, неотесанный гранитъ, и на немъ написано крупными золотыми буквами только одно слово: Kościuszcze (Костюшкѣ).

переглядываться со многими городами Царства. Здѣсь, съ давнихъ поръ, гнѣздятся самыя разнообразныя политическія партіи и кружки, отличающіеся своимъ особымъ колоритомъ, рѣзкіе, страстные, неуступчивыя ¹⁾. Здѣсь стоитъ старый-престарый университетъ, *wszelchnica Jagiellońska*, второй по старинности между славянскими, ²⁾ съ древней библіотекой и другими историческими памятниками. Здѣсь держится весьма недурной театръ, питающій временами даже и Варшаву ³⁾. Здѣсь, наконецъ, издается нѣсколько политическихъ листковъ и газетъ, на польскомъ языкѣ, между прочимъ *Czas*—польскій *Times*, какъ кажется, лучшая и болѣе солидная польская газета Европы.

Понятно, что, при такихъ условіяхъ, Краковъ могъ вліять съ различныхъ сторонъ на умы конгрессовки вообще и въ особенности на умы губерніи, болѣе къ нему прикасавшейся. Оттуда къ радомцамъ переносились всякія зажигательныя мысли; прощмыгивала иногда и контрабандная газета и даже—запрещенная личность.

Въ военные начальники радомскаго отдѣла попалъ заслуженный севастопольскій генералъ Ушаковъ, на бѣду, по-севастопольски, не считавшій повстанцевъ настоящимъ непріятелемъ, съ коимъ можно было бы помѣрять плечо серьезно. Конечно, до нѣкоторой степени онъ былъ правъ, но все имѣетъ свою мѣру. Севастопольскій генералъ въ своемъ пренебреженіи ничтожнаго врага перешелъ эту мѣру: онъ не принималъ никакихъ предосторожностей и не замѣтилъ какъ, слабыя въ самомъ началѣ, дѣти вдругъ выросли и стали махать передъ его носомъ вовсе не картонными мечами.

Въ числѣ городовъ губерніи, о которой мы говоримъ, наиболѣе отличался повстанскимъ характеромъ довольно видный уѣздный городъ (нынѣ губернской) Кѣльцы. Это зависѣло отъ мѣстныхъ условій: близости границы, горъ, лѣсовъ и желѣзныхъ заводовъ, а потомъ и отъ соединенія большихъ трактовъ, изъ коихъ одинъ велъ на Варшаву, другой на Мѣховъ, стало—и за границу; третій на Петровъ—опять за границу, желѣзною дорогой, и четвертый—на Бодзентинъ, въ Св. Кржискія горы, въ самый высокій и лѣсистый пунктъ Царства, а вмѣстѣ съ этимъ—и въ рудники.

Въ Кѣльцахъ, Богъ вѣдаетъ съ какихъ поръ, держался крѣпко повстанскій духъ, были маленькіе повстанскіе кружки, находившіе-

¹⁾ Часть ихъ была очеркнута нами въ другомъ мѣстѣ—Записки о возстаніяхъ, стр. 9, 42, 46.

²⁾ Первый—чешскій, основанный императоромъ Карломъ IV, въ 1348.

³⁾ Оттуда вышли: Модржеевская, Рапацкій, Панчиковскій, Ракевичъ, Борковская, Круликковскій. . .

ся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Варшавой и со всѣмъ буйнымъ и безпокойнымъ въ Европѣ. Тутъ былъ всегда маленькій центральный комитетъ, та «*siągła konspirasya*», о которой говоритъ Мохнацкій ¹⁾, и это не составляло тайны для правительства, а потому, въ концѣ 1861, когда по всей Польшѣ запахло революціей, былъ назначенъ въ Кѣльцы особый «частный военный начальникъ», полковникъ Ченгери, командиръ Смоленскаго пѣхотнаго полка, человекъ довольно расторопный, довольно крутаго нрава, съ фигурой Ермолова или князя Милоша Обреновича въ миниатюрѣ.

Но всѣ эти тогдашніе крутые начальники, съ фигурами Милоша и безъ нихъ, подъ вліяніемъ господствовавшей системы мягкихъ мѣръ и уступокъ, были не особенно круты. Они постоянно боялись получить отъ ближайшаго своего начальства — нагоняй. У нихъ рождалась сама собой какая-то крайняя нерѣшительность и осторожность въ дѣйствіяхъ; поблажки тѣмъ лицамъ, кому бы не слѣдовало поблажать; панибратство съ тѣми, кому они въ душѣ нисколько не довѣряли.

Во второй половинѣ 1862 года, Ченгери разрѣшилъ, подъ вліяніемъ одного весьма извѣстнаго въ Кѣльцахъ лица, предсѣдателя тамошняго кредитнаго общества, Ружицкаго (члена «бѣлой» повстанской организаціи тѣхъ мѣстъ), открыть ремесленную школу, гдѣ преподавателемъ разныхъ наукъ взялся быть судья кѣлецкаго трибунала, Владиславъ Яновскій, тогда гражданскій начальникъ, иначе воевода, краковскаго воеводства со стороны «красной» организаціи. Хоть бы обратили вниманіе на то, какъ это вдругъ судья трибунала, въ уѣздномъ городѣ — лицо видное, имѣвшее множество занятій, сталъ, ни съ того, ни съ сего, по доброй волѣ и безъ малѣйшаго вознагражденія, школьнымъ учителемъ и притомъ такимъ, который читаетъ все! Ничего этого не соображали и не думали соображать. Школа открылась; Яновскій сѣлъ на кафедрѣ и зачиталъ разному народу, непохожему нисколько на школьниковъ ни возрастомъ, ни фізіономіями, ни ухватками: законъ Божій, исторію, ариметику, геометрію, — все это въ особомъ, нисколько не школьномъ духѣ, а въ томъ духѣ, какой тогда требовался для польскихъ школьниковъ: въ исторію попало сказаніе объ извѣстномъ Смокѣ или драконѣ, который опустошалъ много лѣтъ мѣстность, занимаемую нынѣ Краковомъ и его окрестностями, и наконецъ убить Кракусомъ на Вавелѣ; геометрія трактовала о линіяхъ, по которымъ летаютъ ядра и бомбы изъ пушекъ...

¹⁾ Powstanie Narodu Polskiego w roku 1830—1831. Poznań, 1863, II, стр. 119.

Сначала преподаваніе шло-себѣ своимъ порядкомъ, но потомъ Ченгери узналъ, въ чемъ именно состоятъ лекціи г. Яновскаго, и приказалъ закрыть школу. Это случилось только въ декабрѣ 1862. Лекціи Яновскаго отъ этого однакоже нисколько не прекратились: онъ читалъ ихъ тѣмъ-же самимъ школьникамъ въ разныхъ частныхъ домахъ и даже просто-за-просто у себя въ кабинетѣ—до тѣхъ поръ, пока центральныя власти заговора не вызвали его въ Варшаву.

Во второй половинѣ декабря, приготовленія жителей города Кѣльць,—со всѣми окрестными мѣстечками и деревнями, а равно и сосѣднихъ уѣздовъ (въ особенности Опоченскаго, гдѣ лежитъ мѣстечко Сухедневъ, центръ управленія горныхъ заводовъ Восточнаго округа),—къ чему-то недоброму сдѣлались черевчуръ явными. Со всѣхъ сторонъ приходили вѣсти, что тамъ или тамъ формируются банды, а изъ Сухеднева доносили, что на тамошнемъ желѣзно-плавильномъ заводѣ отбиваются ножи и косы, открыто, безъ всякихъ предосторожностей. Даже называли кое-кого изъ предводителей бандъ. Чаще всего слышались имена двухъ братьевъ Давыдовичей, занимавшихъ на Сухедневскомъ желѣзномъ заводѣ должности надсмотрщиковъ надъ кузнецами.

Полковникъ Ченгери послалъ объ этомъ рапортъ къ начальнику радомскаго военнаго отдѣла; затѣмъ, послѣ Рождества, когда приготовленія къ возстанію еще усилились—другой. Оба эти рапорта остались безъ всякаго отвѣта¹⁾.

Между тѣмъ какъ все это происходило: косы ковались, изготовлялось и всякое другое оружіе для бандъ и самныя банды мало по малу формировались,—отношенія всей интеллигенціи города Кѣльць и ближайшихъ оттуда городовъ и мѣстечекъ къ Ченгери и его штабу становились съ каждымъ днемъ и часомъ болѣе и болѣе упредительными и близкими. Многие изъ жителей говорили Ченгери и его офицерамъ въ глаза, что «край не запомнить такихъ добрыхъ и милыхъ начальниковъ». Безпрестанно устраивались въ разныхъ домахъ офицерско-помѣщичьи пирушки и всякія другія сходки, чтобы какъ нибудь повеселѣе убить время, повкуснѣе попить и поѣсть. На этихъ общихъ, по видимому, искренно-братскихъ пирушкахъ, гдѣ ничего незнающему, постороннему, или просто-за-просто всякому русскому наблюдателю было-бы очень трудно отличить поляка отъ русскаго, гдѣ весьма часто поистинѣ «становилось небу жарко», были неизбѣжно провозглашаемы взаимныя дружескіе

¹⁾ Свѣдѣнія отъ самого Ченгери. Ниже многое отъ него-же и отъ другихъ кѣлецкихъ военныхъ того времени. Н. В.

тосты. Полковнику Ченгери, по предкамъ венгерцу, приходилось не разъ услышать извѣстное четверостишіе:

Polak, Węgier dwa bratanki,
Tak do szabli, jak do szklanki,
Obaj tędzy, obaj żwawi:
Niech im Pan Bóg błogosławi! ¹⁾

3-го января ст. ст. 1863 года, то есть за недѣлю до возстанія. нижніе чины роты Смоленскаго полка, стоявшей въ м. Ендржеевѣ ²⁾. вздумали разыграть солдатскій спектакль, конечно, подъ вліяніемъ и руководствомъ офицеровъ, а этими послѣдними руководила бѣлая повстанская организація. Такія развлеченія всегда поощряются начальствомъ. Ченгери, разрѣшивъ этотъ спектакль, естественно, былъ приглашенъ удостоить его своимъ присутствіемъ, вмѣстѣ со всѣмъ штабомъ. Въ партерѣ, въ перемежку съ офицерами, видѣлись разные, болѣе или менѣе извѣстные въ Кѣлецкомъ уѣздѣ помѣщички тѣхъ краевъ: Аполинарій Куровскій (тогда уже начальникъ банды: собранной имъ въ лѣсахъ подъ д. Сломниками, Мѣховскаго уѣзда. и въ то же время военный начальникъ Краковскаго воеводства Михальскій, Лясковскій, Лакинскій и нѣсколько другихъ, съ которыми Ченгери долженъ былъ, спустя какихъ нибудь двѣ-три недѣли, встрѣтиться въ тѣхъ же самыхъ мѣстахъ при другой музыкѣ того-же оркестра.

Но тутъ эти господа расточали полковнику и его штабу свои обычныя привѣтствія и любезности. Игравшимъ на театрѣ солдатамъ было собрано много денегъ; въ заключеніе всего, естественно. послѣдовала роскошная закуска и попойка, во время которой иные повстанцы, черезчуръ подгулявъ, едва не выдали, совершенно по славянски, свои секреты. По счастью ихъ, Ченгери и офицеры были внѣ условій пониманія всякихъ тонкихъ вещей... и уѣхали домой въ Кѣльцы, ничего не уразумѣвъ изъ всей неосторожной болтовни помѣщичковъ....

Этотъ ендржеевскій солдатскій спектакль былъ только balon d'essai другаго, настоящаго спектакля, который тѣ же самыя лица затѣвали устроить, при посредствѣ офицеровъ, въ томъ же самомъ Ендржеевѣ, на 10-е (22-е) января (день возстанія) въ болѣе широкихъ размѣрахъ, съ тѣмъ, чтобы, напоивъ при этомъ своихъ гостей до

¹⁾ «Полякъ и венгерець—что твои два брата: коспись дѣло сабли или стакана, оба лихые, оба молодцы; да благословить ихъ Господь Богъ!»

²⁾ 35 верстъ отъ Кѣльцъ въ направленіи къ Мѣхову.

Н. В.

отвалу, арестовать или перебить, вмѣстѣ съ актерами-солдатами и цѣлою ротою, которая, безъ сомнѣнія, такъ же глазѣла бы на спектакль, не имѣя при себѣ никакого оружія, и была бы угошена.

Все это могло бы удаться. Затѣйники начали скоро поговаривать объ этомъ второмъ спектаклѣ. Офицеры были на ихъ сторонѣ. Ченгери не находилъ причины не дать позволенія... какъ вдругъ, совершенно неожиданно для себя и для штаба, онъ получилъ изъ Радома выговоръ за первый спектакль—и поскакалъ объясниться съ начальствомъ: это его спасло.

Когда онъ возвращался въ Кѣльцы, утромъ 10-го января ст. ст., то нашелъ лежащій на пути Сухедневъ въ необыкновенномъ движеніи. Ченгери поспѣшилъ перемѣнить лошадей и помчался далѣе...

Нѣсколько часовъ спустя послѣ его проѣзда, банда, человекъ въ 500, горно-заводскихъ чиновниковъ и служителей, пополамъ съ мелкопомѣстною шляхтою и ремесленниками, подъ начальствомъ одного изъ упомянутыхъ выше Давыдовичей, не дожидаясь срока, назначеннаго въ декретѣ центрального комитета (т. е. полуночи), напала на окружное сухедневское казначейство, ограбила кассу, состоящую изъ 30-ти тысячъ рублей, и двинулась на м. Бодзентинъ — въ 12-ти верстахъ отъ Сухеднева, въ сторону Св. Кржискихъ горъ.

Тамъ стояла 2-я стрѣлковая рота Смоленскаго полка, которой командиръ, шт.-капитанъ Краевичъ, былъ въ это время вызванъ полковникомъ Ченгери въ Кѣльцы и привезъ съ собою благодарственный адресъ жителей Бодзентина войскамъ, его занимающимъ, гдѣ говорилось, что «Ротный командиръ Краевичъ и офицеры Козуновъ и Раппъ привели роту въ такое примѣрное состояніе, что жители не могутъ достаточно нахвалиться поведеніемъ стоящихъ у нихъ на квартирахъ солдатъ и обратились съ просьбою къ бургомистру—выразить за это всей ротѣ ихъ глубокую благодарность».

Къ этому адресу была приложена печать магистрата; затѣмъ слѣдовали подписи бургомистра и членовъ¹⁾.

Въ то самое время, когда Ченгери со своимъ штабомъ разглядывалъ этотъ адресъ, его печать и подписи, какъ нѣчто не совсемъ обыкновенное,—бодзентинскіе затѣйники поджидали къ себѣ Давыдовича съ сухедневскими силами и точили на насъ ножи!

Рота замѣтила съ самаго ранняго утра какое-то особенно веселое настроеніе жителей. Около казармъ, состоявшихъ изъ восьми обыкновенныхъ обывательскихъ домовъ, въ родѣ большихъ избъ, бродили

¹⁾ Свѣдѣнія отъ Ченгери. Подлиннаго адреса авторъ не видалъ. Н. В.

подозрительные ниніе, приглядываясь къ чему-то ¹⁾). Городъ толковалъ о четырехъ свадьбахъ, можетъ статься, умышленно пригнанныхъ къ одному и тому же дню ксендзами, посвященными въ тайну. Для Бодзевтина, тихаго и залогустнаго уролка Радомской губерніи, четыре свадьбы вдругъ—событіе. Солдаты, не смотря на сдѣланныя ими наблюденія о присутствіи въ городѣ чего-то лишняго, необыкновеннаго, не приняли никакихъ мѣръ предосторожности, даже ничего не сказали о своихъ наблюденіяхъ офицерамъ; бродили, какъ всегда, безопасно по улицамъ, глазѣли на свадьбы, и легли спать совершенно спокойно, нисколько не думая о грозѣ, сбиравшейся надъ ихъ головою.

Два офицера, подпоручики Раппъ и Козуновъ, въ квартирѣ послѣдняго, тоже большой избѣ, по официальному объясненію ихъ ближайшаго начальства, занимались тогда всю ночь химическими опытами, до которыхъ Раппъ былъ якобы страстный охотникъ. Но если предположимъ даже, что эти химическіе опыты заключались въ обыкновенномъ превращеніи времени армейскихъ офицеровъ, заброшенныхъ въ глушь и дичь, то есть, что они «гнули, Богъ ихъ прости, отъ пятидесяти на сто», прихлебывая вмѣсто чаю крѣпкій пуншъ,—кто имъ этого не извинить! Вѣдь чертовски скучно въ такіе часы въ русскихъ и польскихъ «Бодзевтинахъ» для маломальски развитаго человѣка!

Вдругъ, въ первомъ часу ночи, раздался звонъ церковнаго колокола, послѣ чего послышался какой-то неопредѣленный шумъ: это было движеніе повстанцевъ по улицамъ, числомъ, какъ говорили послѣ, до 500 человѣкъ (около 400 изъ Сухеднева и до 100 мѣстныхъ), главное вооруженіе которыхъ состояло изъ обоюдоострыхъ ножей въ десять и болѣе вершковъ длины (иные доходили до 14-ти вершковъ) и въ 2½ вершка ширины, насаженныхъ на древко длиною аршина въ три ²⁾). Вся эта масса ударила на казармы и переранила прежде всего часовыхъ, изъ которыхъ одинъ, получивъ сильный ударъ въ голову, повалился и вскорѣ умеръ.

Внутри казармъ произошелъ переполохъ. Солдаты повскакали, крича: «ребята, насъ рѣжутъ!»—и тутъ-же машинально схватились за оружіе. Удачные выстрѣлы изъ оконъ, а кое-гдѣ и залпы, довольно скоро разстроили нападающихъ. Болѣе всего подвергалась опасности стоявшая на площади, отдѣльно отъ другихъ, казарменная изба, ко-

) Разумѣется, они приглядывались къ тому, сколько оружія и гдѣ оно стоитъ (ружья стояли въ кучахъ по угламъ домовъ).

²⁾ Журналъ Военныхъ дѣйствій, № 2, стр. 2.

торую повстанцы обложили кругомъ соломою и при нападеніи солому зажгли. Но и тутъ стойкая и дружная защита осажденныхъ сдѣлала свое дѣло: солдаты, давши нѣсколько залповъ, вышли на площадь, когда солома еще не успѣла порядкомъ разгорѣться, сгребли ее въ одну кучу и, набросавъ туда разныхъ чурокъ, ставни съ оконъ и что попалося подъ руку деревяннаго, развели довольно большой костеръ, который сталъ мало по малу собирать разрозненныя части роты вмѣстѣ, въ одну массу.

Въ это время нѣсколько солдатъ вспомнили объ офицерахъ и бросились ихъ спасать.

Изба, въ которой сидѣли Козуновъ и Раппъ, была окружена, одновременно со всѣми казарменными избами, толпою обывателей, часть коихъ вошла внутрь и предложила офицерамъ выдать находящееся при нихъ оружіе и приказать то же самое сдѣлать солдатамъ, во избѣжаніе излишняго кровопролитія.

Офицеры, озадаченные этимъ требованіемъ, долго не могли придти въ себя и сначала думали, что съ ними шутятъ. Въ числѣ лицъ, которыя мелькали передъ ними въ толпѣ, было нѣсколько ихъ хорошихъ знакомыхъ, находившихся съ ними въ лучшихъ сношеніяхъ: городской квартермистръ Шадковскій, помѣщикъ Зегардлевичъ, купецъ Богданскій, ксендзь Уминскій...

Офицеры смотрѣли на нихъ и ничего не отвѣчали..... Вдругъ кто-то изъ толпы сказалъ: «полно размышлять! Говорятъ вамъ: дайте оружіе! Насъ много, а васъ мало; биться нельзя; солдаты обезоружены и казармы горятъ: выйдите и посмотрите!»

Въ самомъ дѣлѣ, въ окна било отдаленное зарево: это былъ разведенный солдатами на площади костеръ. Время отъ времени слышались выстрѣлы. Раппъ пошелъ взглянуть, чтѣ такое въ самомъ дѣлѣ творится на улицѣ — и только что переступилъ порогъ, какъ былъ пораженъ чѣмъ-то острымъ въ спину. Козуновъ видѣлъ, какъ его товарищъ, переступая снова порогъ избы, схватился за сердце, что-то проговорилъ и упалъ...

Въ эту самую минуту, нѣсколько солдатъ, подбѣжавъ къ окну и взглянувши въ него, вмигъ сообразили опасность, въ какой находились ихъ начальники. Думать долго было нечего: рама высажена, повстанцы увидѣли блестящіе штыки и бросились бѣжать, а солдаты, схвативъ Козунова на руки, при крикахъ: «отецъ нашъ, ура!» побѣжали на площадь, гдѣ пылалъ костеръ и шла горячая перестрѣлка съ нападавшими.

Такъ какъ въ рядахъ послѣднихъ не было рѣшительно никакого порядка, предводители были тоже очень плохіе и нерасторопные, то

банды, не смотря на значительный перевѣсъ силъ, ничего не могли сдѣлать солдатамъ, которые распоряжались, болѣе или менѣе, по принятымъ въ подобныхъ случаяхъ правиламъ, дружно и спокойно. Всѣ шумныя атаки повстанцевъ были отражены не только отъ казармъ и отъ костра, но и отъ цейхгауза, гдѣ билось всего-на-все восемь человѣкъ солдатъ. Передъ утромъ, 23-го января нов. ст., толпы нападающихъ отступили къ ближайшему лѣсу, гдѣ (по словамъ городскихъ жидовъ) намѣрены были ждать подкрѣпленія и потомъ возобновить атаку. Однако ничего не случилось.

Съ нашей стороны, послѣ ночной схватки, оказалось: трое убитыхъ и 40 человѣкъ раненыхъ. Потеря повстанцевъ неизвѣстна: ихъ убитые и раненые были частію подобраны жителями, частію унесены бандами въ лѣсъ.

Разбросаннаго по улицамъ и по площади оружія, въ родѣ ножей, насаженныхъ на древки, солдаты наши насчитали штукъ до 200, но ружья не брошено ни одного. Видимо, ружьями повстанцы очень дорожили. Они унесли съ собою также и тѣ ружья, которые удалось имъ захватить въ казармахъ, при первомъ нападении. Рядовой Зеленко, жившій въ отдѣльной избѣ, какъ столяръ, не хотѣлъ ни за что выдать своего ружья и на всѣ требованія и угрозы не отвѣчалъ ни слова, стиснувъ зубы. Ему разжали ротъ острымъ желѣзомъ, изрѣзали языкъ и лицо, но все-таки ничего не добились. Онъ былъ наконецъ брошенъ, весь изуродованный, но послѣ поправился и продолжалъ служить въ полку, только никогда не могъ говорить вполнѣ внятно.

Подпоручикъ Козуновъ, единственный офицеръ и старшее лицо въ ротѣ, счелъ за лучшее, собравъ своихъ солдатъ, отступить къ Кѣльцамъ. Всѣ тяжело-раненные, которыхъ нельзя было захватить съ собою, оставлены были на попеченіе нѣсколькихъ еврейскихъ семействъ. При нихъ остался еще, по своей волѣ, совершенно здоровый солдатъ Анисимъ Андреевъ. Повстанское оружіе поломано и брошено въ огонь. Рота двинулась въ порядкѣ, черезъ лѣсистую мѣстность, и на дорогѣ наткнулась на повстанскій обозъ съ ранеными, подъ прикрытіемъ небольшой кучки плохо вооруженныхъ людей, которые, завидя солдатъ, разбѣжались. Въ одномъ возу найдено было 50 штукъ ножей, о какихъ упомянуто выше, три охотничьихъ ружья, немного пороку и свинцу, въ видѣ пуль и жеребьевъ, сундукъ съ казначейскими счетами сухедневскаго горнаго округа, нѣсколько экземпляровъ патріотическихъ пѣсенъ и 5,070 руб. денегъ, въ польскихъ серіяхъ и заставныхъ листахъ ¹⁾.

¹⁾ Разказы Ченгери, офицеровъ и солдатъ Смоленскаго полка, а также Журналъ Военныхъ дѣйствій, № 2, стр. 2—4. Н. В.

На Кѣльцы готовилось нападеніе бандъ, сформированныхъ въ деревняхъ Дыминѣ и Пословицѣ не извѣстно кѣмъ. Банды эти, собравшись на горѣ Карчувкѣ, въ трехъ верстахъ отъ Кѣльць, ожидали предводителей, которые должны были явиться, по условію, за два часа до нападенія, ночью, но прибыли позже, съ разсвѣтомъ, когда въ Кѣльцахъ были уже приняты всѣ мѣры предосторожности: повстанцы видѣли съ Карчувки, какъ на ладони, всю площадь города, уставленную войсками, и выѣхавшія пушки. Нападеніе врасплохъ сдѣлалось невозможнымъ и банды ушли.

Въ м. Едльнѣ произошло нападеніе неизвѣстно какихъ бандъ на стоявшую тамъ 4-ю роту 2-го сапернаго баталіона. Повстанцы изранили командира роты, капитана Витковскаго, напавъ на него врасплохъ, и обезоружили солдатъ, которыхъ часть (60 человѣкъ) отступила, подъ командой унтеръ-офицера, къ Радому, а другая часть—въ Козеницы. Убитыхъ при этомъ съ нашей стороны считается до десяти человѣкъ и столько же раненыхъ ¹⁾.

На м. Шидловецъ, гдѣ стояли двѣ роты Могилевскаго пѣхотнаго полка, ударилъ, около двухъ часовъ по полуночи, повстанскій отрядъ, состоявшій преимущественно изъ горнозаводскихъ чиновниковъ и рабочихъ, подъ начальствомъ отставнаго штабсъ-капитана Ясинскаго. Тутъ же былъ съ отдѣльной бандой и Лангевичъ, военный начальникъ сандомірскаго воеводства.

Одна рота, именно 3-я, успѣвшая кое-какъ построиться, держалась недолго; потомъ была выведена изъ города баталіоннымъ командиромъ, майоромъ Ридигеромъ, по радомскому шоссе, и остановилась въ полуверстѣ отъ Шидловца. Передъ разсвѣтомъ къ ней присоединилась и другая, 4-я рота. Тогда Ридигеръ, выславъ впередъ густую цѣпь стрѣлковъ, повелъ атаку на городъ и къ 7-ми часамъ утра выбилъ изъ него повстанцевъ, которые скрылись въ ближайшій лѣсъ, тянувшійся по кѣлецкому шоссе. Мы потеряли при этомъ четырехъ солдатъ убитыми, до десяти ранеными и столько-же пропавшими безъ вѣсти. Повстанцевъ захвачено до 40 человѣкъ съ оружіемъ въ рукахъ и арестовано по подозрѣнію въ участіи до 30 человѣкъ ²⁾.

Вотъ и всѣ дѣйствія повстанцевъ въ Радомской губерніи, при взрывѣ съ 10-го на 11-е января ст. ст. 1863 года.

¹⁾ Разказы разныхъ лицъ и Журналъ Воен. дѣйствій, № 1, стр. 3.

²⁾ Разказы разныхъ лицъ и Журналъ Воен. дѣйствій, № 1, стр. 4.

Взглянемъ теперь, что дѣлалось тогда же въ воеводствахъ люблинскомъ и подляскомъ, иначе сказать—въ Люблинской губерніи ¹⁾.

Военный повстанскій начальникъ подляскаго воеводства, Левандовскій, долженъ былъ атаковать г. Сѣдльцы, а комиссаръ того же воеводства, Рогинскій—Бялу, но это случайно предупреждено начальниками тамошнихъ мѣстныхъ отрядовъ, полковникомъ фонъ-Бригеномъ и генералъ-маіоромъ Мамаевымъ.

Двое казаковъ, наканунѣ взрыва, ночевали на одной почтовой станціи въ сараѣ, недалеко отъ м. Бялы, и подслушали разговоръ вошедшихъ въ сарай повстанцевъ, которые, не замѣтивъ казаковъ, сообщали одинъ другому о подробностяхъ «завтрашняго нападенія на Бялу и Сѣдльцы».

Лишь только повстанцы вышли изъ сарая, казаки ту же минуту вскочили на коней и одинъ помчался въ Бялу, а другой въ Сѣдльцы.

Левандовскій, узнавъ, что отрядъ города Сѣдльцы предупрежденъ о нападеніи, не рѣшился вести на него предположенной атаки, а ударилъ на деревню Сточекъ, подъ самымъ Сѣдльцемъ ²⁾, гдѣ стояла 10-я рота Костромскаго пѣхотнаго полка и сотня казаковъ. Солдаты зашли въ разныхъ домахъ и отстрѣливались съ часу до пяти по полуночи.

Въ это время подошла помощь изъ Сѣдльца: 11-я и 12-я роты Костромскаго полка и сотня казаковъ, подъ начальствомъ подполковника Фофанова, который, рассыпавъ цѣпь стрѣлковъ, выбилъ повстанцевъ изъ деревни однимъ штуцернымъ огнемъ. Наши, входя въ Сточекъ, видѣли, какъ нападающіе садились на подводы (числомъ, приблизительно, до ста) и уѣзжали въ противоположную сторону. Они успѣли, однако, разграбить цейхгаузъ, гдѣ захватили 25 старыхъ ружей. Въ одномъ домѣ, подоженномъ повстанцами, сгорѣло троє солдатъ, не хотѣвшихъ сдаться. Во время перестрѣлки, съ нашей стороны убито 7, ранено 10 нижнихъ чиновъ. У повстанцевъ убито 5 человѣкъ, ранено 26, захвачено около 60 и три воза съ косами.

Одновременно съ помощью изъ Сѣдлецъ явилась, изъ селенія Балки, 9-я рота Костромскаго полка, вмѣстѣ съ тамошнею инвалидною командой, и также способствовала занятію Сточка ³⁾.

Въ Бялѣ всѣми военными силами повстанцевъ (скрытыхъ, размѣстивъ, на тайныхъ квартирахъ) завѣдывалъ комиссаръ подляскаго воеводства Рогинскій, молодой, энергическій парень, давнымъ давно

¹⁾ Прежнее дѣленіе на пять губерній.

²⁾ 3½ версты.

³⁾ Разказы разныхъ лицъ и Журналъ Воен. дѣйствій, № 1, стр. 5.

мѣшавшійся во всё распоряженіи мѣстныхъ повстанскихъ властей и размыгрывавшій роль другаго воюющаго, если только не главнаго начальника въ воюющаго.

Онъ сдѣлалъ всё нужныя приготовления къ нечаянному нападенію на русскія войска и ждалъ только назначеннаго часа, то есть полуночи, какъ вдругъ ему донесли, еще за-свѣтло, что «Москва строится около артиллерійскаго парка». Это встревожило сильно всёхъ «присягнувшихъ» и часть ихъ не вышла на улицу. Рогинскій увидѣлъ себя начальникомъ какихъ-то перенуганныхъ барановъ, числомъ не много болѣе полусотни, вмѣсто нѣсколькихъ сотъ на все готовыхъ молодцовъ, и потому не рѣшился вести атаки на войска въ Бялѣ, а двинулся на Залѣсье, откуда, а равно изъ Лосницъ, ожидалась помощь; но тамъ не оказалось ни одного повстанца.

Приближаясь къ Залѣсью, банда Рогинскаго встрѣтила (въ 2^{1/2} часа пополудни, 11-го января ст. ст.) дилижансъ, шедшій изъ Брестъ-Литовска въ Варшаву, и велѣла ему остановиться. Въ дилижансѣ ѣхалъ чиновникъ канцеляріи намѣстника, статскій совѣтникъ Черкасовъ, котораго поляки не терпѣли за крайне-рѣзкіе объ нихъ отзывы. Кроме того, объ немъ ходили слухи, будто-бы онъ былъ шпионъ. Слухи эти ходили иногда въ Польшѣ о людяхъ совершенно ни въ чемъ невиновныхъ и не способныхъ быть шпионами. Рогинскій зналъ Черкасова въ лицо. Отворивъ дверцы дилижанса, онъ спросилъ: «кто вы такой?» Черкасовъ, мгновенно понявъ опасность, назвалъ Вишневецкимъ. «Ты еще врешь», закричалъ неистовымъ голосомъ Рогинскій, вскочилъ въ дилижансъ и ударилъ Черкасова въ лѣвый бокъ кинжаломъ. Онъ упалъ, но былъ живъ. Рогинскій, какъ-бы для того, чтобы прекратить его мученія, взялъ у кого-то изъ своихъ солдатъ ружье и выстрѣлилъ умирающему Черкасову въ голову, à bout-portant; разлетѣвшійся мозгъ обдалъ стѣны кареты...

Въ карманахъ трупа найденъ рапортъ брестъ-литовскаго коменданта великому князю намѣстнику о состояніи крѣпости, полтораста рублей денегъ и часы. Все это взяли, а дилижансу велѣли ѣхать въ Варшаву; онъ поѣхалъ и, когда прибылъ на мѣсто, долго стоялъ во дворѣ ратуши, служа предметомъ разныхъ толковъ и разсужденій...

А банда Рогинскаго, пройдя еще нѣсколько верстъ, встрѣтила генерала Синельникова, ѣхавшаго въ Варшаву на перекладной, а потомъ какого-то жандармскаго офицера, съ двумя жандармами; имъ-бы не одобровать, если-бы не тяготѣло на душѣ Рогинскаго варварское, бессмысленное преступленіе; онъ велѣлъ своимъ людямъ только отобрать у всёхъ этихъ лицъ оружіе, а ихъ самихъ отпустить¹⁾.

¹⁾ Собственныя показанія Рогинскаго.

Тѣмъ временемъ бывшіе воспитанники Генуэзской военной школы, Новаковский и Чапинскій, произвели съ небольшою бандой нападеніе врасплохъ на мѣстечки Ломазы и Россoszъ, взяли въ плѣнъ нѣсколько солдатъ и захватили оружіе, хранившееся въ тамошнихъ дейхгаузахъ. Недалеко отъ Залъся они сошлись съ Рогинскимъ и рѣшили направиться вмѣстѣ на д. Гусинки, дабы разузнать въ какомъ положеніи находится городъ Яновъ¹⁾ и собранныя въ немъ и въ его окрестностяхъ банды. Оказалось, что всѣхъ повстанческихъ силъ въ этихъ мѣстахъ около 700 человѣкъ, въ томъ числѣ до 70 кавалеристовъ. Съ прибытіемъ бандъ Рогинскаго, Новаковскаго, Чапинскаго и еще Богуславскаго изъ Залъся, образовалась масса въ 1,000 человѣкъ слишкомъ. Узнавъ черезъ «пантофлеву почту», что генералъ Мамаевъ, со всѣми своими войсками и артиллеріей, вышелъ изъ Бялы (вслѣдствіе распространившихся, черезъ ту же пантофлеву почту, слуховъ, будто бы возстаніе принимаетъ кругомъ съ каждымъ часомъ все большіе и большіе размѣры), Рогинскій, съумѣвшій, посредствомъ громкихъ и повелительныхъ криковъ и своей манеры обращаться со всѣми по-начальнически, сдѣлаться какъ бы главнымъ вождемъ — убѣдилъ товарищей занять немедленно Бялу и огласить тамъ народное правительство.

Двинулись туда торжественно, съ надеждой несомнѣннаго успѣха. Пантофлева почта дала знать городу, что «приближается народное войско», вслѣдствіе чего городъ выслалъ на встрѣчу этому войску депутатовъ, украшенныхъ трехцвѣтными кокардами.

Вечеромъ 13-го января ст. ст., всѣ отряды вступили въ улицы Бялы, при оглушительныхъ крикахъ «ура!» «vivat!» и т. п. Сейчасъ-же была зажжена иллюминація. Рогинскій расположился на квартирѣ, гдѣ утромъ стоялъ генералъ Мамаевъ. Войско поставлено въ замкѣ, на краю города. Ксендзы получили приказаніе сдѣлать соотвѣтственными приготовленія къ совершенію, на другой день, торжественнаго богослуженія въ фарѣ. Еврейское-же духовенство, услышавъ объ этомъ, просило позволенія отслужить молебствіе немедленно. Рогинскій не только разрѣшилъ, но сказалъ, что будетъ на этомъ молебствіи самъ и, дѣйствительно, отправился въ синагогу. Еврейское духовенство встрѣтило его въ сѣняхъ и просило зачѣмъ-то коснуться рукою талмуда, лежащаго на престолѣ, что онъ и сдѣлалъ. Евреи прокричали: «vivat, Ro-

¹⁾ Всѣ эти мѣстечки и деревни: Залъсье, Лосице, Ломазы, Россoszъ, Гусинки и гор. Яновъ—находятся въ сѣверной части Люблинской губерніи, по прежнему дѣленію, отстоя другъ отъ друга верстъ на 15—20. Сѣдльце составляетъ центръ.

giński!»¹⁾. После чего началось молебствие, по совершении котораго прочтенъ манифестъ центрального комитета объ открытїи военныхъ дѣйствїй.

Утромъ, въ фаръ, по совершении молебствїя католическимъ духовенствомъ, также читался манифестъ викаріемъ Кожуховскимъ, между тѣмъ какъ другой ксендзъ, Млечко, освящалъ знамя, съ изображеніемъ Орла и Всадника, поднесенное Рогинскому дамами г. Бялы.

Тѣмъ временемъ, какой-то отдѣлъ пантофлевой почты далъ знать обо всемъ совершившемся у нихъ русскому отряду, стоявшему въ Брестѣ²⁾. Отрядъ этотъ (7 ротъ пѣхоты, при двухъ орудїяхъ, и 15 казаковъ), подъ командой флигель-адъютанта графа Ностица, сейчасъ-же (20-го января ст. ст., въ 9 часовъ утра) выступилъ въ направленїи къ Бялѣ. Та же самая пантофлева почта бросилась сломя голову извѣщать объ этомъ повстанцевъ.

Рогинскій, не рассчитывая на свои войска, поспѣшилъ выбраться по добру—по здорову изъ города, но, пройдя всего 4 версты, наткнулся (въ 12-мъ часу ночи) на отрядъ Ностица: произошло столкновенїе; повстанцы потеряли до ста человекъ убитыми и ранеными—и разсѣялись по лѣсамъ.

Такъ какъ преслѣдованїе бандъ ночью въ лѣсу было дѣломъ рискованнымъ, притомъ нельзя было утверждать, чтобы въ окрестностяхъ не скрывалось еще такихъ-же бандъ, какъ у Рогинскаго,—поэтому Ностицъ, въ ожиданїи, что будетъ дальше, расположилъ отрядъ свой подъ Бялой и вошелъ въ сношенїя съ отрядомъ, стоявшимъ въ Мендзыржцѣ.

Тѣмъ временемъ, банда, состоявшая подъ начальствомъ Рогинскаго, снова собралась въ одинъ большой отрядъ, подъ Яновымъ, и вскорѣ потомъ заняла этотъ городъ, гдѣ, взявъ съ казеннаго завода 14 лучшихъ лошадей, все призовое серебро и полторы тысячи денегъ, переправилась на другую сторону Буга, въ Литву, а тяжести отослала въ Немировъ³⁾.

За Бугомъ, услыхавъ, что нѣсколько бандъ соединяется подъ Семятичами⁴⁾, Рогинскій отправился туда со всѣми силами, какими располагалъ. Такимъ образомъ, подъ сказаннымъ мѣстечкомъ, значи-

¹⁾ Такъ, по крайней мѣрѣ, рассказываетъ Рогинскій въ своихъ «показанїяхъ».

²⁾ Отъ Бреста до Бялы около 35-ти верстъ.

³⁾ Показанїя Рогинскаго и Журналъ Военныхъ дѣйствїй, № 4, стр. 2. Въ послѣднемъ сказано, что повстанцевъ въ Бялѣ собралось до 3,000 человекъ; цифра, кажется, преувеличенная.

⁴⁾ Селенїе на югѣ Гродненской губерніи.

тельно укрѣпленнымъ, собралась масса тысячъ въ пять подѣ командой разныхъ вождей, гдѣ наиболѣе вліятельными и известными были: Левандовскій (военный подляскій воевода), Шанявскій, Рыльскій и Сонгинъ. Стоявшій неподалеку оттуда отрядъ генераль-лейтенанта Манюкина имѣлъ съ ними довольно серьезное дѣло (съ 25-го на 26-е января ст. ст.), послѣ чего часть повстанцевъ перебралась снова за Бугъ въ Царство, а часть (Рогинскій, Сонгинъ и Рыльскій) направилась къ м. Королевинъ-Мостъ, гдѣ опять напалъ на ихъ слѣды графъ Ностицъ и отбилъ у нихъ обозъ, но банды искуснымъ маневромъ избѣгли столкновенія съ нашимъ отрядомъ и ушли въ м. Шерешево. Здѣсь Рогинскій запасся полушубками, рубахами и сапогами; кромѣ того, купилъ у жидовъ 6 пудовъ пороку (по 40 руб. за пудъ) и двинулся на Пружаны, гдѣ инвалидная команда во сто человекъ сдалась ему безъ выстрѣла. Въ мѣстномъ казначействѣ нашли повстанцы семь тысячъ рублей и раздѣлили такъ: 4 тысячи Рогинскому, а 3 тысячи Сонгину и Рыльскому.

Послѣ этого вожди перессорились между собою и на походѣ къ Кобрину Рогинскій, имѣя всего 33 человекъ подѣ командой, вдругъ отдѣлился отъ товарищей и повернулъ къ Пинску.

Узнавъ, что изъ Пинска должна въ скоромъ времени выступить почта, люди Рогинскаго рѣшились ее подкараулить и засѣли въ лѣсу, не далеко отъ сказаннаго города. Когда почтовая карета поровнялась съ засадой, выстрѣлъ изъ штуцера сбилъ съ козелъ почтальона; лошади стали; началась ревизія. Въ почтовой сумкѣ найдено 4,800 рублей денегъ, вмѣстѣ съ векселями.

Этимъ грабежомъ завершились походы подляскаго комиссара. Близъ д. Борки отрядъ капитана Албертова разбилъ банду Рогинскаго, который, съ 12-ю человекъ, скрылся, благодаря ночи, въ лѣсу и потомъ, въ теченіи нѣсколькихъ дней, скитался по враждебной для повстанцевъ Пинщинѣ, наконецъ, арестованъ крестьянами на мнѣ помѣщика Млынскаго и отправленъ въ Варшаву¹⁾.

Въ м. Коднѣ повстанцы напали на стоявшій тамъ легучій № 2-й паркъ, убили 5 человекъ солдатъ, ранили 15 и около 50 захватили

¹⁾ Военный судъ приговорилъ Рогинскаго къ смерти. Конфирмація намѣстника смягчила этотъ приговоръ, вслѣдствіе чрезвычайной молодости преступника (ему не было еще 21 года, то есть совершеннолѣтія). Рогинскаго сослали на каторгу. Авейде называетъ военныя дѣйствія его, лишенныя всякаго плана и какихъ бы то ни было соображеній, «пляской сумасшедшаго» (IV, 34).

въ плѣнъ, въ томъ числѣ поручика Антоненко. Имъ достался сверхъ того казенный ящикъ парка, съ 4-мя тысячами рублей денегъ, и до 50 ружей.

Для нападенія на гор. Радзынъ была приготовлена банда изъ разныхъ жителей этого мѣстечка и мѣщанъ м. Вохина, подъ руководствомъ тамошняго зажиточнаго обывателя Ржевскаго, сына бургомистра Викентія Скальскаго, писаря Пыркоша, шляхтича Франциска Прондзынскаго и ксендза Целестина Годлевскаго.

Главнымъ начальникомъ надъ всѣми этими силами (которыхъ точное количество неизвѣстно) сдѣлался какой-то Дескуръ ¹⁾, по номинаціи Рогинскаго.

10-го января стар. ст., вечеромъ, всѣ главные заговорщики собрались въ м. Вохинѣ, какъ-бы на именины къ Ржевскому, переговорили о подробностяхъ нападенія на Радзынъ (отъ Вохина 9 верстъ) и, подгулявъ, отправились въ лѣсъ, гдѣ были уже Дескуръ и Пыркошъ, съ бандою, вооруженною чѣмъ попало: ружьями, пиками, косами, кто верхомъ, кто пѣшіи.

Прондзынскій, посланный предварительно разузнать «гдѣ находятся офицеры отряда, занимающаго Радзынъ», явился въ лѣсъ съ извѣстіемъ, что «они играютъ въ карты у жандармскаго капитана Хвоцинскаго».

— Что намъ съ ними дѣлать?—спросилъ кто-то.

— Извѣстно что: перебить!—отвѣчали разные голоса.

Но нѣкоторые совѣтовали просто-за-просто запереть въ хлѣбный сарай. Когда-же двинулись къ Радзыну, большинство постановило: «порѣшить офицеровъ безъ церемоніи на мѣстѣ, никуда не запирая».

Съ приближеніемъ къ Радзыну, часть банды отдѣлилась и, войдя въ городъ, окружила домъ, гдѣ жилъ Хвоцинскій. Тамъ дѣйствительно играли въ карты, во 2-мъ этажѣ: генераль-маіоръ Каннабихъ, подполковникъ Мейбаумъ, самъ Хвоцинскій и ксендзъ Веницкій.

Предводители толпы, подошедши къ дому, поднялись на лѣстницу съ такимъ шумомъ и имѣли такой нахальный видъ, что, когда они предстали передъ игравшими, — Хвоцинскій и Мейбаумъ сейчасъ смекнули, въ чемъ дѣло и неизвѣстно какъ успѣли куда-то спрятаться; ксендзъ полѣзъ подъ столъ; остался за карточнымъ столомъ одинъ Каннабихъ, человекъ необыкновенно сильный и громадныхъ размѣровъ. По немъ кто-то сейчасъ-же выстрѣлилъ изъ ружья, но зарядъ снесъ ему только лѣвое ухо. Видя, что онъ живъ, пов-

¹⁾ Изъ семейства Дескуровъ, которые всегда служили революціямъ въ тѣхъ мѣстахъ, «Записки о польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ», стр. 79. Н. В.

станцы ринулись на него цѣлою кучей, но Каннабихъ сшибъ нѣсколько человѣкъ съ ногъ двумя-тремя ударами кулака и очутился въ сѣняхъ. Тутъ нанесли ему жестокій ударъ въ голову саблею; Каннабихъ упалъ, обливаясь кровью, и сочтенъ мертвымъ...

Когда всё удалились, раненный очнулся и доползъ до своей квартиры, которая находилась, по счастью, оттуда недалеко ¹⁾.

Между тѣмъ, спасшіеся офицеры, Мейбаумъ и Хвоцинскій, подняли на ноги солдатъ: повстанцы были мгновенно разсѣяны, а нѣкоторая часть захвачена въ плѣнъ. Мы потеряли при этомъ 5 человѣкъ убитыми и 7 ранеными ²⁾.

М. Луковъ было атаковано бандой человѣкъ въ 300 пѣшихъ и 50 конныхъ, подъ командой Густава Закржевскаго, въ 2 часа по полуночи (съ 10-го на 11-е января ст. ст.), при чемъ перебиты всѣ часовые, стоявшіе у казармъ двухъ ротъ (5-й и 8-й Костромскаго пѣх. полка), занимавшихъ мѣстечко, и перерѣзано довольно много спавшихъ солдатъ. Проснувшіеся же нижніе чины бросились на площадь и тамъ построились въ каре, но открытый по нимъ повстанцами изъ-за разныхъ строеній и заборовъ сильный ружейный огонь заставилъ ихъ отступить за городъ, къ монастырю, гдѣ они держались до тѣхъ поръ, пока не прибыла на помощь 6-я рота Костромскаго полка, изъ д. Мрочекъ ³⁾.

Мѣстечко Казиміржъ занято было бандой люблинскаго военнаго комиссара, Леона Франковскаго, человѣка весьма молодаго (19 лѣтъ), но рѣшительнаго и расторопнаго. Ядро этой банды составляли «пулавяки», т. е. Пулавскій политехнический институтъ, образовавшійся изъ варшавскаго Маримонтскаго училища, закрытаго Велепольскимъ въ 1862 году.

Пулавяки хранили преданіе 1861 года: они были по духу совершенно то же, что Маримонтъ, и при вспыскѣ 10-го января стар. ст. ушли изъ Пулавъ всѣ до одного въ Казиміржъ ⁴⁾, забравъ съ собою казенную кухонную посуду. Имъ-то сказалъ Франковскій известную рѣчь, гдѣ были слова: «на что вамъ оружіе? съ палками вы добу-

¹⁾ Раны Каннабиха вскорѣ зажили. Онъ былъ назначенъ комендантомъ крѣпости Замостье, потомъ Бендеръ, гдѣ и умеръ 23-го февраля 1874 г.

²⁾ Частные рассказы и Журналъ Военныхъ дѣйствій, № 1, стр. 4.

Въ Радзынѣ стояли: штабъ 5-й полевой артиллерійской бригады, нарѣзная № 3-й батарея и 3-я стрѣлковая рота Костромскаго пѣхотнаго полка. Въ Радзынѣ было еще вападеніе на командира стрѣлковой роты Костромскаго пѣхотнаго полка, капитана Дѣдова, котораго подробности намъ неизвѣстны.

³⁾ Журналъ Военныхъ дѣйствій, № 1, стр. 5.

⁴⁾ Отъ Пулавъ до Казиміржа 13 верстъ.

дете у москалей ружья, съ ружьями пушки, а съ пушками—Модлинъ и Варшаву»,—слова, подкваченныя разными заграничными листками, между прочимъ брошюрой Монталамбера «De l'insurrection polonaise, 1863».

Къ пулавякамъ присоединилась въ Казиміръжъ куча разнаго безпардоннаго народу: ремесленники, официалисты, мелкіе помѣщики и кое-кто изъ молодыхъ чиновниковъ. Были даже и крестьяне, но мало.

Вся эта толпа, въ нѣсколько сотъ человѣкъ, занявъ Казиміръжъ, провозгласила тамъ народное правительство ¹⁾. Бурмистръ недалеко-лежащаго оттуда села Маркушова, Здановичъ, бывший унтеръ-офицеръ русскихъ войскъ, сталъ учить повстанцевъ Франковского ружейнымъ приѣмамъ и маршировкѣ, на берегу Вислы, и незамѣтно изъ обучателя сдѣлался начальникомъ банды. Жили весело и безопасно. Бѣдная касса банды была пополнена въ скоромъ времени значительною суммой денегъ (48 тысячъ рублей), захваченною Франковскимъ при нападении на почту подъ м. Куровъ ²⁾, 12-го января стараго стиля.

Черезъ недѣлю послѣ этого, въ Люблинѣ были получены довольно подробныя свѣдѣнія о житьѣ-бытьѣ банды Здановича и противъ нея посланъ, 19-го января стар. ст., отрядъ изъ двухъ ротъ Вологодскаго пѣхотнаго полка и 40 казаковъ, подъ начальствомъ подполковника Мѣдниковъ. Онъ подошелъ къ Казиміръжу безъ выстрѣла. Банда, нисколько не готовая къ бою, частію бросилась на паромакъ черезъ Вислу въ Радомскую губернію, частію ушла въ Палянувскіе лѣса и переправилась черезъ рѣку ниже, у деревень: Месьмержа, Петровины и Каменя и у мѣстечка Юзефова; послѣ чего вся банда собралась къ одному пункту, у м. Липска, Опатовскаго уѣзда, Радомской губерніи ³⁾, и двинулась къ Завихосту, Сандомірскаго уѣзда, заняла это мѣстечко и предалась тамъ прежней безопасной жизни ⁴⁾, никакъ не предполагая, что Мѣдниковъ рѣшится перейти Вислу, т. е. дѣйствовать не въ своемъ отдѣлѣ, а Мѣдниковъ перешелъ. Тогда Здановичъ направился къ Сандоміру, только что оставленному баталіономъ

¹⁾ Неизвѣстно, были-ли тамъ какія войска. Журн. Воен. дѣятій не сообщаетъ никакихъ подробностей о занятіи Казиміръжа повстанцами.

²⁾ Куровъ отъ Казиміръжа 19 верстъ; Маркушовъ отъ Курова 4 версты, отъ Казиміръжа 20 версты.

³⁾ Отъ Казиміръжа до Липска версть 30.

⁴⁾ Подробности о пребываніи Здановича подъ Казиміръжемъ и въ Завихостѣ разсказаны въ статьѣ «Wyjătki z pamiećników powstańca», Dziennik Warsz. 1865, № 147.

Галицкаго пѣх. полка (по причинамъ, которыя будутъ разсказаны ниже) и занятому бандой помѣщика барона Райскаго, прибывшаго изъ Пинчова.

По соединеніи обѣихъ этихъ бандъ, вожди ихъ условились расположить свои силы въ двухъ пунктахъ: въ самомъ Сандомірѣ — банда Райскаго, а Здановичъ и двѣ партіи повстанцевъ, приставшія къ нему на пути отъ м. Ожарова къ Завихосту, должны были занять д. Слупчу, образовавъ передъ Сандоміромъ родъ форта.

Мѣдниковъ быстрымъ натискомъ выбилъ повстанцевъ изъ Слупчи; они бѣжали въ Сандоміръ, похоронивъ послѣпно въ одной ямѣ слипкомъ сто тѣлъ. Все это были отчаянные пулявики. Часть ихъ, при отступленіи къ Сандоміру, была захвачена въ плѣнъ; при каждомъ оказался форменный отпускъ директора института на двѣ недѣли; два воза институтской казенной посуды, котловъ и кастрюлей разной величины достались нашимъ солдатамъ.

Отрядъ Мѣдникова, переночевавъ въ 4-хъ верстахъ отъ Сандоміра, на хуторѣ Герлахъ, сталъ готовиться къ штурму города, имѣвшаго, сверхъ старой стѣны, еще засѣки и завалы въ улицахъ.

Едва только эти приготовленія были замѣчены жителями, какъ они бросились упрашивать барона Райскаго выйти изъ города и принять бой въ полѣ. Между просившими былъ епископъ, котораго убѣжденія всего болѣе подѣйствовали на Райскаго, и онъ выбрался изъ Сандоміра на разсвѣтъ 28-го января ст. ст. и пошелъ на м. Копрживницу, а Мѣдниковъ вступилъ въ Сандоміръ, встрѣченный депутаціей съ хлѣбомъ и солью.

Что касается пулявиковъ Здановича, — часть ихъ пристала къ Райскому, а часть разбѣжалась. Самъ Здановичъ черезъ три дня явился съ повинною къ начальнику люблинскаго отдѣла, Хрущеву.

Въ Сандомірѣ найдены оставленные повстанцами три нашихъ плѣнныхъ офицера пограничной стражи и 70 человекъ нижнихъ чиновъ. Кромѣ того, повстанцы оставили тамъ всѣхъ своихъ раненыхъ, въ томъ числѣ и люблинскаго военнаго комиссара Леона Франковскаго. Онъ прикрывался нѣкоторое время другимъ именемъ, но вскорѣ узнавъ и отправленъ въ Люблинъ, гдѣ, по приговору мѣстнаго военнаго суда, повѣшенъ передъ замкомъ ¹⁾.

Въ воеводствахъ мазовецкомъ и калишскомъ (иначе сказать: въ Варшавской губерніи прежняго дѣленія) было всего-на-все одно

¹⁾ Разказы подполковника Мѣдникова, начальника штаба войскъ люблинскаго военнаго отдѣла полковника Соллогуба и Журналъ Военныхъ дѣйствій, № 6, стр. 1, и № 7, стр. 1—3.

нападеніе, съ 10-го на 11-е января ст. ст., именно на городъ Раву, бандой Езерянскаго, который захватилъ тамъ двухъ жандармовъ и казака. Тутъ погибъ Францискъ Годлевскій.

И вотъ все: всѣ 15—16 нападеній (съ 10-го на 11-е января ст. ст.), которыхъ половина кончилась ничѣмъ, а другая половина принесла повстанцамъ немного чести.

Тѣмъ не менѣе неожиданность, съ какою все это произошло, и размѣры нѣкоторыхъ бандъ, хоть плохо, но всетаки вооруженныхъ—привели всѣхъ въ недоумѣніе. Никто въ первыя минуты не хотѣлъ вѣрить, что «возстаніе началось на самомъ дѣлѣ и что втораго начала не будетъ». Всему благоразумному изъ поляковъ хотѣлось бы спрятать этотъ нелѣпный взрывъ подъ сукно. Краковская газета «Часъ», очень хорошо знавшая о ходѣ нанихъ повстанскихъ дѣлъ, въ 17-мъ номерѣ 1863 г. (который вышелъ въ день взрыва, 22-го января н. ст.) старается внушить всѣмъ и каждому, что это «не возстаніе, какъ бывають возстанія, а только порывъ отчаянія тѣхъ, кто намѣренъ воспротивиться набору».

«Русское правительство (говорится тамъ далѣе) какъ прежними, такъ и настоящимъ насиліемъ надѣется вызвать преждевременный взрывъ, чтобы подавить движеніе и водворить въ край спокойствіе смерти... Передъ Богомъ, исторіею и народомъ тяжело отвѣтять люди, которые направиваются на эту типину кладбища... до сихъ поръ однакоже нѣтъ еще извѣстій ни о какомъ столкновеніи, но если проскрипты, выведенные изъ терѣвнїа, дорого продадутъ свою жизнь, — мы пожалѣемъ, но не удивимся».

«Часъ» держался этого тона цѣлыя двѣ недѣли, заставляя смотрѣть своихъ читателей на взрывъ не какъ на дѣйствительный переходъ заговора въ вооруженное возстаніе, а какъ на случайную вспышку, которая кончится ничѣмъ.

Статьи его въ этомъ духѣ были диктованы, по всѣмъ вѣроятностямъ, не только наиболѣе-умѣренными партіями Кракова, но и нѣкоторою частію бѣлыхъ изъ Варшавы, гдѣ вслѣдствіе цензуры, вполне зависѣвшей отъ Велепольскаго, нельзя было говорить ничего ему неприятнаго, а тѣмъ болѣе намекать, что онъ причина взрыва, въ чемъ были убѣждены всѣ до одинаго, красивые и бѣлые—и это переходило изъ устъ въ уста. Всѣ говорили, что не будь набора — ничего-бы не было. Въ особенности такъ думала часть бѣлыхъ, старавшихся не то что отдалить возстаніе, а спустить его, просто-за-просто, на-нѣтъ—и затѣмъ дать полный ходъ реформамъ,

которых, какъ полагали, держало правительство подъ замкомъ, выжидая возвращенія полного спокойствія ¹⁾).

Эта часть бѣлыхъ (гдѣ было довольно весьма кипучаго народу) ругательски-ругала Велепольскаго съ минуты оглашенія набора, то есть съ осени 1862 года. Сюда принадлежалъ, между прочимъ, извѣстный писатель Крашевскій, который, какъ человѣкъ тонкій и пронизательный, лучше другихъ видѣлъ конецъ, чужалъ ту опасность, которая заключалась въ недовкости, безтактности и гордынѣ Велепольскаго для ихъ польскаго дѣла, тѣ противудія, должеествовавшія осадить назадъ всѣ ихъ фантази надолго..... можетъ—навсегда..... а насъ выручить; исцѣлить отъ всѣхъ тѣхъ ядовъ, которые поглотила политическая организація Россіи весьма крупною дозой въ смутные дни 1861—1862 годовъ.

Все это чужалъ тонкій Крашевскій и съ давнихъ поръ задѣвалъ и извилъ маркиза въ передовыхъ статьяхъ своей газеты ²⁾. Велепольскій терпѣлъ долго. Вдругъ грянула передовая статья Крашевскаго, въ польскій сочельникъ 1862 года, гдѣ всѣ ценсурныя Спиллы и Харибды были ловко обойдены и успокоены, между тѣмъ Велепольскій рисовался весь какъ на ладони. Всѣ увидѣли между вѣтвями и листьями искусно-скрытую «тѣнь Наполеона». Велепольскій бросился въ замокъ и сказалъ «либо я, либо онъ долженъ выѣхать изъ края!»

Крашевскому приказано было въ тотъ-же день оставить редакторство и выѣхать за границу ³⁾.

¹⁾ Еще передъ взрывомъ, редакторы главныхъ варшавскихъ газетъ просили позволенія «печатать что имъ вздумается безъ цензуры три мѣсяца сряду», обѣщая все привести къ порядку: «насъ будутъ слушаться, потому что мы будемъ безъ цѣпей»,—говорили они. Спросили Велепольскаго: «можно ли это допустить?» Тотъ (боясь, конечно, нападеній прежде всего на себя) отвѣчалъ, что «нечего и думать!»

²⁾ Gazeta Polska.

³⁾ Вотъ наиболѣе рѣзкій отрывокъ изъ этой статьи... «Прежде всего намъ не достаётъ смиренія,—добродѣтели, которая приводитъ къ любви; а зломъ гранитною стѣною дѣлитъ насъ отъ свѣта...

«Когда-бы мы умѣли смириться, Боже, какъ-бы мы стали велики! Если-бы мы не желали царствовать, какимъ-бы могуществомъ мы преисполнились!»

«Только посредствомъ смиренія человекъ избѣгаетъ униженія; только смиреніемъ доходить до совершенства, до побѣды надъ самимъ собою, безъ которой ничего мы побѣдить не въ силахъ...

«Звѣзда всходитъ—свѣточъ надежды... будущее въ рукахъ нашихъ».
(Gazeta Polska 1862, № 294).

Въ слѣдующемъ, 295-мъ номерѣ, Крашевскій прощается со своими читателями.

Онъ соби́рался медленно и все ругалъ Велепольскаго, гдѣ слу́чится.

Въ концѣ мѣсяца по н. ст. (т. е. уже послѣ взрыва) Д. Н. Набоковъ встрѣтилъ его на улицѣ и сказалъ:

— «Вы все еще здѣсь? Убѣжайте, убѣжайте! Не то васъ выплюютъ въ Россію. Дѣла ваши ¹⁾ поворачиваютъ назадъ. Автономію отберутъ, школы въ томъ видѣ, какъ ихъ устроилъ Велепольскій, уничтожатъ; будетъ введенъ русскій языкъ и русское судопроизводство. Иначе нельзя!»

Крашевскій уѣхалъ въ самыхъ первыхъ числахъ февраля по нов. ст. въ Дрезденъ (гдѣ и живетъ до сихъ поръ) и тамъ продолжалъ ругать Велепольскаго и говорить, что «онъ всему злу причина».

То же самое повторяли въ Варшавѣ, особенно негодуя на маркиза съ тѣхъ поръ, какъ слова Д. Н. Набокова, сказанныя Крашевскому, облетѣли городъ и Царство. Отъ этого дѣла, разумѣется, не поправились. Волны возстанія катились съ неудержимою силою, затопляя весь край. Особый бурный духъ пошелъ по землямъ, считавшимъ себя польскими. Все юное, по деревнямъ и всякимъ захолустьямъ, не зная и не желая знать, какъ смотреть на взрывъ та или другая партія, «Часъ» или какойнибудь Крашевскій, а слушаясь единственно влеченій своего польскаго сердца, думало только о томъ, какъ-бы скорѣе перескочить въ какую-либо банду—и унимать этихъ господъ и увѣщевать родителямъ было странно. Иной, пожалуй, и слушалъ молча краснорѣчивыя увѣщанія своего сѣдаго отца или дяди сегоднѣ, признавалъ возстаніе нелѣпнымъ, несвоевременнымъ, ругалъ его творцовъ и руководителей, а завтра мчался какъ угорѣлый по лѣсамъ на подводахъ «обывательской почты» (тогда уже недурно устроившейся), не простясь ни съ кѣмъ, обнимая вмѣсто матери ружье, которое стянулъ ночью у батьки, или у какого другаго увѣщателя; а увѣщатель, узнавъ утромъ о побѣгѣ сына или родственника, молча плакалъ—и благословлялъ бѣжавшаго, а иногда садился въ телѣгу и самъ—и она трясла и била по глухимъ дорогамъ, въ ту-же стору, его старыя кости...

Бывали и такіе примѣры, что сынъ съ отцомъ, послѣ горячихъ толковъ о нелѣпномъ возстаніи, оба сѣдлись въ телѣгу и мчались въ ближайшую банду.

Такъ, масса бѣлыхъ, слыша о самоотверженіи братьевъ, выгнанныхъ наборомъ въ лѣса, объ ихъ скитаніяхъ, бѣдствіяхъ, голодѣ и холодѣ, а гдѣ—о чемъ-то такомъ, что называлось тогда у поляковъ

¹⁾ То есть польскія.

побѣдой,—стала мало по малу поворачивать въ сторону возстанія и помогать ему чѣмъ случится ¹⁾: доставлять бандамъ фуражъ, аммуницію, лошадей, подводы...

Конторы земскаго кредитнаго общества, существовавшія по разнымъ городамъ Царства, пустили въ ходъ свои капиталы, въ какомъ гдѣ размѣрѣ—это въ точности неизвѣстно; но говорятъ, что одна плоцкая контора выдала возстанію до 300 тысячъ рублей. Сверхъ того, она завела филиальную контору въ Торнѣ и посредствомъ ея производила различныя операціи, помогавшія бандамъ. Дабы пополнить свои кассы, сказанныя конторы сдѣлали произвольный налогъ на помѣщиковъ и тѣ большую частію безропотно вносили требуемыя суммы. Это дало возстанію сильный толчокъ, даже, можно сказать, было его спасеніемъ: ибо въ кассѣ центрального комитета оставалось послѣ взрыва, какъ увѣряютъ иные компетентные люди, только 500 злотыхъ, по нашему 75 рублей! ²⁾.

Нечего говорить, что все вставшее послѣ этого въ Царствѣ, — передъ силами, какими располагало правительство,—было всетаки нуль, мыльный пузырь. Но то бѣда, что не былъ отданъ въ ту же минуту соотвѣтственный приказъ, какъ дѣйствовать относительно возникшихъ невѣдомо откуда полчищъ, дабы уничтожить ихъ мгновенно и сдѣлать невозможнымъ появленіе новыхъ.

¹⁾ Не одни бѣлые были сначала противъ возстанія, но и нѣкоторая часть красныхъ. Гиллеръ увѣряетъ, что, когда были получены первыя извѣстія о столкновеніи повстанцевъ съ русскими войсками, студенты Главной школы собрались, въ числѣ 700 человекъ, и предлагали, черезъ Авейде, центральному комитету отправиться въ разныя отряды и умолять начальниковъ разойтись (II, 209). Но немного позже, думали уже иначе.

Красный повстанецъ Вашковскій говоритъ въ своихъ показаніяхъ: «Проклинаю день 22-го января 1863 г., когда центральный комитетъ, не обдумавши ничего какъ слѣдуетъ, выслалъ на явную смерть молодежь... но когда слово стало тѣломъ (Słowo stało się ciałem), то поляку нельзя уже было отступать; надо было каждому изъ насъ идти братьямъ на помощь, отдать всѣ свои силы на поддержку комитету. Таково было мое убѣжденіе и я сталъ работать усиленно».

²⁾ Записка Павла Ляндовскаго, полицейскаго чиновника центрального комитета. Ему говорилъ объ этомъ помощникъ начальника города, Владимиръ Лемпке. Когда жондъ, въ эту критическую минуту, обратился къ капиталистамъ-евреямъ, они дали немного, говоря, что и безъ того порядкомъ пошлатились. А въ Краковѣ прямо отвѣчали, что не дадутъ ни гроша. «Вѣдь ваши-же газеты пишутъ, что возстанія нѣтъ, что это массовое сопротивленіе комскриптовъ. Когда будетъ возстаніе, мы дадимъ» (Брошюра Wtył, стр. 5).

Гиллеръ опредѣляетъ сумму, бывшую въ рукахъ центрального комитета при взрывѣ, въ 400,000 (60 тысячъ рублей). «Przed powstaniem Komitet Centralny rebrul przeszto 400,000 zł. polskich pieniędzy. Była to summa zbyt mala ażeby za nią można było naród uzbroić» (I, 270, примѣчаніе). Н. В.

Ошибки, крупныя и мелкія, начали твориться гораздо раньше варшва. Еще осенью, именно въ сентябрѣ 1862 года, послѣдовало распоряженіе: отправить на Донъ выслужившіе въ Польшѣ свой трехлѣтній срокъ казачьи полки (круглымъ счетомъ три тысячи человекъ) экстраординарнымъ, никогда еще не практиковавшимся способомъ, — безъ лошадей, на основаніи того экономическаго расчета, что содержаніе каждой лошади отъ Варшавы до Новочеркасска обходится казнѣ, какъ не разъ показалъ опытъ, около 30 р. Стало быть, на три тысячи лошадей должно было выдать 90 тысячъ рублей! Вмѣсто этого, казакамъ предложили продать лошадей въ Царствѣ и отправиться домой по желѣзной дорогѣ до Нижняго, а потомъ на пароходахъ и телѣгахъ; причемъ каждый получалъ на дорогу (суточныхъ, прогонныхъ и на уплату за кладь на желѣзныхъ дорогахъ и на пароходахъ) по 18 рублей, всего, на три тысячи человекъ, 54 тысячи рублей. 36 тысячъ, такимъ образомъ, сберегалось въ экономіи.

Тѣмъ не менѣе, нижніе чины полковъ, получившихъ такое предложеніе, были довольны и продали всѣхъ своихъ лошадей въ трое сутокъ (лошадь шла отъ 80 до 90 рублей), спустивши при этомъ и всю конскую сбрую, и даже лишнее вооруженіе, хотъ это строго запрещалось — и помчались домой въ вагонахъ...

Донъ встрѣтилъ этихъ пѣшихъ «наѣздниковъ лихихъ» насмѣшками и имъ долго не было нигдѣ проходу ¹⁾.

Такъ мы снабдили добрыми конями первую повстанскую кавалерію.

¹⁾ Свѣдѣнія отъ самихъ казаковъ. Вотъ официальные данныя относительно 11-го полка: «Начальникъ главнаго штаба увѣдомилъ походнаго атамана въ Царствѣ Польскомъ, отзывомъ отъ 9-го сентября стар. ст. 1862 года, за № 378, что перевозка казаковъ Донскаго 11-го полка, по желѣзнымъ дорогамъ и водою, Высочайше разрѣшена».

«Военный министръ увѣдомилъ о томъ-же, того-же числа, телеграммой, командующаго войсками въ Царствѣ Польскомъ, генераль-адъютанта барона Рамзая». «Всгдъ за тѣмъ военный министръ увѣдомилъ барона Рамзая, отзывомъ отъ 13-го сентября стар. ст. 1862 г., за № 7,042, что, отправляя людей 11-го казачьяго полка по желѣзной дорогѣ до Нижняго, слѣдуетъ выдать имъ по 9 коп. въ сутки на человека, а потомъ на пароходѣ до Камышина по 6 к. Стѣнованіе до Нижняго могло продолжаться около недѣли (при остановкахъ по одному дню въ Петербургѣ, въ Москвѣ и въ Нижнемъ). Потомъ до Камышина отъ 7 до 10 дней». Подобныя увѣдомленія послѣдовали также объ отправленіи полковъ №№ 4 и 9. Прямѣрый расчетъ, сдѣланный въ Варшавѣ директоромъ канцеляріи главнокомандующаго, показалъ, что на доставленіе полка изъ Варшавы на Донъ, считая полкъ въ 800 человекъ, потребно 13,388 р. вмѣстѣ съ офицерскими прогонами; стало быть, трехъ полковъ — 41,164 руб. — цифра близкая къ круглой цифрѣ, выведенной самими казаками, которые дѣлали расчеты на 3,000 человекъ, а не на 2,400.

Н. В.

Говорят, впрочемъ, что варшавскія власти спохватились очень скоро, что сдѣлали ошибку, и велѣли остановить продажу лошадей, но было уже поздно.

Далѣе, когда вспыхнуло возстаніе, всѣ наши высшіе военные чины въ Варшавѣ растерялись до послѣдней степени и не знали, что дѣлать. Пришли опять февральскія минуты 1861 года.

Прежде всего оказалось, что не было никакихъ опредѣленныхъ инструкцій на случай взрыва. Никто не зналъ, какъ поступить съ войсками въ Царствѣ Польскомъ, съ пограничною стражей и т. п. Все это собирались написать (ожидавъ возстанія гораздо позже), но не написали. Пришлось теперь сочинять инструкціи наскоро, кое-какъ, ту же минуту, среди самыхъ разнообразныхъ, сбивчивыхъ извѣстій, получаемыхъ отовсюду. Тамъ отрядъ очистилъ неизвѣстно зачѣмъ мѣстечко... тамъ разбита почта... ограблено казначейство... снесена таможня... а иногда приходили вѣсти, будто-бы огромныя полчища повстанцевъ, отлично одѣтыхъ, обутихъ и вооруженныхъ, перешли границу подъ начальствомъ Мирославскаго—и двигаются къ Варшавѣ!

Но тутъ-же вдругъ распространялся слухъ, что рота солдатъ отбилась отъ нѣсколькихъ тысячъ и потеряла всего десятка два-три убитыми и ранеными... чему было вѣрить?

Взяли на всякій случай въ расчетъ невыгодные для насъ факты и сосчитали войска: ихъ оказалось на ту пору въ Царствѣ, всего-навсего, 4 армейскихъ пѣхотныхъ дивизіи (4, 5, 6 и 7-я), съ соответствующими артиллерійскими бригадами; 2-я кавалерійская дивизія, 7 казачьихъ полковъ и 3-я гвардейская дивизія—въ Варшавѣ и ея окрестностяхъ. Все это составляло армию въ 83 тысячи человекъ.

Если раздѣлить всѣ эти силы по числу болѣе или менѣе замѣчательныхъ стратегическихъ пунктовъ, приходилась на каждый пунктъ рота, много двѣ, и это было совершенно достаточно для охраненія всѣхъ важныхъ пунктовъ отъ вторженія первыхъ бандъ. и для воспрепятствованія имъ разростись въ болѣшья. Надо было только учредить между ними правильныя сообщенія посредствомъ казачьихъ и другихъ кавалерійскихъ разъѣздовъ. Рота ротѣ должна была помогать въ случаѣ надобности: являться быстро на мѣсто опасности сосѣдняго отряда и затѣмъ, по окончаніи той или другой операціи,—возвращаться на свое мѣсто.

Командующій войсками, баронъ Рамзай, окруженный такими-же находчивыми людьми какъ и самъ (а кто былъ помышленѣе, тѣ молчали), велѣлъ разослать, на другой-же день послѣ взрыва, во всѣ

военные отдѣлы ¹⁾ приказъ, «чтобы малые отряды, стоящіе по разнымъ мѣстечкамъ, были немедленно стянуты въ болѣе важные стратегическіе пункты, какіе гдѣ окажутся» ²⁾. Такъ же поступить и въ отношеніи пограничной стражи.

Большинство отрядныхъ начальниковъ исполнили этотъ приказъ во всей точности, иные даже съ большимъ удовольствіемъ. Но другіе медлили и написали въ Варшаву, чтобы имъ «было позволено остаться на мѣстахъ; что они ничего не боятся и что силъ у нихъ зашитить себя довольно».

Что касается пограничной стражи—она рѣшительно вездѣ была отодвинута на вторую, а гдѣ и на третью линію внутрь края.

Это была тоже крупная ошибка, вслѣдствіе которой, вскорѣ послѣ взрыва, явилось множество бандъ въ разныхъ пунктахъ Царства и стало разгуливать свободно туда и сюда, занимая мѣстечки, оставленныя войсками, и провозглашая тамъ народное правительство. А оружіе, аммуниція, даже цѣлыя банды—свободно двинулись черезъ необерегаемыя никѣмъ границы. (Разумѣется, тутъ нельзя забывать объ измѣнѣ намъ ближайшихъ сосѣдей: Австріи и Пруссіи ³⁾).

И эта ошибка въ непродолжительномъ времени была замѣчена варшавскими военными властями—и отданъ новый приказъ, которымъ разрѣшалось начальникамъ отрядовъ «поступать на основаніи мѣстныхъ условий».

¹⁾ Всѣхъ отдѣловъ было 5 главныхъ: Варшавскій, Люблинскій, Радомскій, Плоцкій, Августовскій и кромѣ того частныя: Калишскій, Кѣлецкій, Сѣдлецкій, Ольшускій и Мѣховскій.

²⁾ Приказъ этотъ повторенъ три раза: 11, 12 и 15-го января ст. ст. 1863 г. Смори «приказы и приказанія по войскамъ въ Царствѣ Польскомъ» за этотъ годъ.

³⁾ Нынѣ стало извѣстнымъ, что австрійскій министръ Дегенфельдъ сносился съ высшими властями возстанія. Когда одинъ изъ уполномоченныхъ жонда замѣтилъ, что «всею труднѣе создать артиллерію»—Дегенфельдъ отвѣчалъ: «можно напасть какънибудь на нашу и... отбить. Наши не будутъ сопротивляться».

Позже, какъ увидятъ читатели, придуманъ былъ маневръ еще проще.

Жондъ народовой обязался взаимно, какъ Австріи, такъ и Пруссіи, отнюдь не подымать возстанія въ нѣмецкихъ захватахъ и выдалъ 7-го февраля нов. ст. 1863 г. особый приказъ, гдѣ былъ, между прочимъ, такіа слова: «Братья! Война съ Московскимъ царемъ, какъ съ самымъ главнымъ врагомъ Польши, требуетъ участія всѣхъ польскихъ провинцій и напряженія всѣхъ силъ народа, а потому въ захватахъ прусскомъ и австрійскомъ возстанія быть не должно и не можетъ».

(Цѣлый приказъ можно видѣть въ книгѣ Гиллера: *Historja powstania*, т. I, стр. 110).

Н. В.

Отряды стали мало-по-малу возвращаться на свои мѣста, но, тѣмъ не менѣе, моментъ «когда можно было погасить пожаръ, какъ свѣчу, однимъ легкимъ дуновеніемъ» — былъ упущенъ. Пришлось гасить его медленно, начинать правильныя военныя дѣйствія, которыя въ разныхъ пунктахъ (смотря по характеру начальниковъ) принимали такія или другія формы: гдѣ кончались быстро, гдѣ тянулись безконечно въ видѣ періодическихъ кавказскихъ экспедицій...

Тѣмъ временемъ было написано въ Петербургъ о присылкѣ подкрѣпленій.

Въ числѣ самыхъ первыхъ отрядовъ, отправленныхъ противъ повстанцевъ, былъ отрядъ полковника Сергпутовскаго: онъ двинулся въ Плоцкую губернію, тотчасъ по полученіи извѣстія о пораженіи нашихъ войскъ подъ Цѣлковымъ, имѣя подроты Муромскаго пѣхотнаго полка и двѣ съ половиной сотни казаковъ. 16-го января стар. ст. онъ столкнулся подъ д. Крайковомъ (Млавскаго уѣзда) съ бандой человѣкъ во сто, изъ которыхъ половину взялъ въ плѣнъ ¹⁾.

Тремя днями позже (19-го января стар. ст.) частный военный начальникъ города Сѣдльце, генералъ-маіоръ Дрейеръ, узнавъ, что около м. Венгрова (въ двухъ переходахъ отъ Сѣдльце на сѣв.-зап.) собираются значительныя массы повстанцевъ (какъ говорили—отъ пяти до шести тыс. человѣкъ), подъ начальствомъ нѣкоего Мыстковскаго, принявшаго названіе Іосифа Сокола, послалъ туда дивизионъ Смоленскаго уланскаго полка, подъ командой полковника Папаафанасопуло: узнать, насколько справедливы эти слухи, и потомъ дѣйствовать по усмотрѣнію.

Придя въ Мокободы (селеніе въ 15-ти верстахъ отъ Сѣдльце и въ столькихъ-же отъ Венгрова), Папаафанасопуло отправилъ впередъ полуэскадронъ на рекогносцировку, который скоро воротился и донесъ, что «повстанцевъ тамъ дѣйствительно много; что они занимаютъ не только Венгровъ, но и окрестныя деревни» ²⁾.

Папаафанасопуло далъ знать объ этомъ въ Варшаву, прося подкрѣпленій, а также увѣдомилъ и Дрейера, который двинулъ ту же минуту (20-го января стар. ст., вечеромъ) въ Мокободы на подводахъ: двѣ роты Костромскаго полка и взводъ нарѣзной легкой № 3 батареи 5-й артиллерійской бригады—изъ Сѣдльце, и эскадронъ Смолен-

¹⁾ Журналъ Военныхъ дѣйствій, № 3, стр. 2—3.

²⁾ Вотъ количество, размѣщеніе и вооруженіе бандъ въ Венгровѣ и окрестностяхъ по корреспонденціи въ «Чась» (1863, № 34): «въ Венгровѣ—2,500 человѣкъ, изъ коихъ 500 были вооружены охотничьими двустолками; остальное были косы. Въ Людвиновѣ—1,000 косинеровъ. Въ Мокободахъ тоже 1,000 косинеровъ и нѣсколько кавалеріи».

скаго уланскаго полка, дивизионъ конно-батарейной № 3 батареи и роту Костромскаго полка, тоже на подводахъ,—изъ м. Збучина, въ 7 часовъ утра 21-го января стар. ст.

Тогда полковникъ Папаафанасопуло рѣшился вступить въ бой, не дожидаясь помощи изъ Варшавы.

22-го января стар. ст., утромъ, онъ подошелъ къ Венгрову и открылъ по немъ артиллерійскій огонь, который произвелъ въ городѣ пожаръ.

Повстанцы, выйдя изъ города въ значительныхъ массахъ. бросились на наши орудія и едва ими не овладѣли. По крайней мѣрѣ, были къ нимъ такъ близко, что офицеры, находившіеся при батарее, стрѣляли въ нападающихъ изъ револьверовъ.

Пушенная въ атаку кавалерія прогнала повстанцевъ обратно въ городъ, откуда они выбиты потомъ пѣхотой и ушли въ лѣсъ.

Въ это время явилось подкрѣпленіе изъ Варшавы ¹⁾: 3 баталіона пѣхоты, изъ полковъ: л.-гв. Волинскаго, Галицкаго и Витебскаго, съ двумя орудіями нарѣзной № 3 батареи, 3-й гвардейской и гренадерской артиллерійской бригады и двѣ сотни казаковъ, подъ командой генераль-маіора барона Кридинера и генеральнаго штаба подполковника Кривоносова.

Имъ осталось только вступить въ очищенный отрядомъ Папаафанасопуло отъ повстанцевъ городъ.

Потеря бандъ простиралась до 150 человекъ убитыми и ранеными. Наша потеря была до такой степени незначительна (4 человекъ нижнихъ чиновъ и нѣсколько лошадей), что ей никто не вѣрилъ. Это происходило отъ неумѣнія повстанцевъ владѣть штуцерами: они несли у нихъ обыкновенно вверхъ, и такъ было долго, можно сказать—до конца ²⁾.

Венгровскій бой былъ первый, сколько-нибудь серьезный бой этого возстанія. Объ немъ зашумѣли всѣ повстанскіе листки во всю ночь. «Часъ» перешелъ къ другому тону. Сталь, нечего дѣлать, описывать побѣды повстанцевъ, описалъ и венгровскую побѣду. Въ специальной повстанской иллюстраціи Postep косинеры брали у насъ подъ Венгровымъ пушки, рубили и кололи орудійную прислугу. Эта картинка перешла потомъ и въ европейскія изданія такого-же рода, явилась у нѣмцевъ, французовъ и англичанъ.

Венгровскія банды двинулись къ Семятичамъ ³⁾, гдѣ еще прежде

¹⁾ Отъ Варшавы до Венгрова около 60-ти верстъ.

²⁾ Частные рассказы и Журналъ Военныхъ дѣйствій, № 4, стр. 4—5,

³⁾ Семятичи отъ Венгрова 60 верстъ.

собрались большія массы повстанцевъ, съ которыми, какъ уже сказано выше, имѣлъ дѣло отрядъ генерала Манюкина. Это былъ второй серьезный бой.

Почти одновременно со всѣми упомянутыми дѣйствіями узнали въ Люблинѣ о бандѣ помѣщика д. Надрьбье, Казимира Богдановича, которую онъ, какъ говорили, сформировалъ на свой счетъ. Банда эта имѣла однообразную одежду: пѣхота (человѣкъ 400)—черные кафтаны, съ черными кожаными поясами; черныя мерлушечьи шапки и конфедератки разныхъ цвѣтовъ съ кокардами. Кавалерія (человѣкъ 60)—имѣла синіе казакины и сверху ихъ темнокоричневые плащи съ башлыками. На головахъ этихъ кавалеристовъ были мерлушечьи шапки. Синіе чапراки сѣдель украшались бѣлой адамовой головой.

Вооруженіе пѣхоты состояло изъ двустволокъ и одностволокъ. На рѣзнаго оружія было немного. Косъ не было вовсе.

Кавалерія имѣла пики съ бѣлорозовымъ флюгеромъ, сабли и пистолеты.

Противъ этой банды, стоявшей сперва въ д. Надрьбье, а потомъ перешедшей въ д. Ловчу ¹⁾, отправлено изъ Люблина, 2-го февраля стар. ст., три роты Вологодскаго пѣхотнаго полка (1-я и 2-я стрѣлковыя и 4-я линейная) и 50 казаковъ, подъ командой маіора Ракузы.

3-го февраля стар. ст., въ д. Малые-Рудки, Ракузѣ сказали, что повстанцевъ передъ нимъ очень много и что они грозятся «надѣть на него красныя сапоги и бросить въ Бугъ» (т. е. содрать съ ногъ его кожу и потомъ его утопить).

По точнымъ справкамъ оказалось, что за Рудками стоитъ банда Богдановича—около 500 человѣкъ; вправо оттуда, верстахъ въ 10-ти, расположена банда Радзѣвскаго—въ 1,000 человѣкъ слишкомъ; а въ д. Сверже, отъ Рудокъ верстъ 14,—банда доктора Нечая, около 1,000 человѣкъ.

Если-бы всѣ эти партіи, постоянно сообщавшіяся между собой и знавшія хорошо о силахъ Ракузы, находились въ распоряженіи опытныхъ вождей, или хоть только дѣйствовали дружно—нашему отряду было-бы плохо. Но вся эта масса, въ боевомъ смыслѣ, были неопытные, нетерпѣливые ребята, которые рвались въ бой другъ передъ другомъ, и каждой части хотѣлось поскорѣе отличиться.

Зная такія свойства своихъ соперниковъ и рассчитавъ разстоянія,

¹⁾ На сѣверѣ Красновскаго уѣзда Люблинской губерніи, въ шести верстахъ отъ м. Пугачева, а послѣднее верстахъ въ 30-ти отъ Люблина. Ловча на востокъ отъ Пугачева, тоже верстъ 30 съ небольшимъ.

отдѣлявшія партіи другъ отъ друга, Ракуза смѣло двинулся противъ Богдановича и занялъ одно дефиле подъ Рудками. Богдановичъ, вмѣсто того, чтобы извѣстить объ этомъ своихъ товарищей и выждать съ ними соединенія, пошелъ на Ракузу одинъ, былъ разбитъ и преслѣдуемъ по лѣсамъ до тѣхъ поръ, пока разъѣзды казаковъ не дали знать Ракузѣ о приближеніи партіи Радзѣвскаго. Тогда майоръ вернулся назадъ и занялъ то же самое дефиле: отразилъ банду Радзѣвскаго, которая пошла въ направленіи къ Сверхѣ, гдѣ стоялъ Нечай.

Не имѣя достаточныхъ силъ къ преслѣдованію Радзѣвскаго и Нечая, Ракуза воротился въ Люблинъ, гдѣ взялъ еще двѣ роты и 50 казаковъ, и отправился разыскивать Богдановича: разбилъ его партію на-голову и захватилъ въ плѣнъ самого предводителя. А противъ Нечая и Радзѣвскаго былъ отправленъ тогда-же особый отрядъ, въ двѣ роты Архангелогородскаго пѣхотнаго полка, эскадронъ Харьковскаго уланскаго полка, 10 казаковъ и два орудія Донской конно-артиллерійской батареи, подъ начальствомъ подполковника Рынскаго. Банда Нечая была разбита и самъ онъ взятъ въ плѣнъ, а Радзѣвскій ушелъ со своею бандою раньше и, какъ говорятъ, бѣжалъ за границу ¹⁾.

Затѣмъ, прошли слухи о появленіи банды Лелевеля въ Козловецкихъ лѣсахъ ²⁾. Для преслѣдованія его посланъ былъ полковникъ Цвѣцинскій, въ ночь съ 17-го на 18-е февраля стар. ст., изъ Курова, съ двумя ротами, полусотнею казаковъ и двумя орудіями; онъ настигъ банду Лелевеля близъ д. Сосновице и разбилъ ее на-голову, 19-го февраля стар. ст., послѣ чего воротился въ Куровъ.

Спустя нѣсколько дней, именно 23-го февраля стар. ст., та же самая банда была разбита, при дер. Люты и Ганьске, отрядомъ майора Голшина, изъ двухъ ротъ Вологодскаго п. полка и 60 казаковъ, при чемъ Лелевель потерялъ до 150 человекъ убитыми и ранеными; кромѣ того у него захвачено 3 знамени, боевые снаряды, обозъ, разныя бумаги и литографскій станокъ ³⁾. Говорили, что Лелевель скрылся послѣ этого за границу.

¹⁾ Свѣдѣнія отъ майора Ракузы и Журналъ Военныхъ дѣйствій, № 9, стр. 1—3, и доп. къ № 11.

²⁾ Радзынскаго уѣзда Любливской губерніи. Лелевель—псевдонимъ варшавскаго колодезнаго мастера Мартина Бореловскаго. Объявленіе его, какъ колодезнаго мастера, можно видѣть въ прибавленіи къ № 106 «Варшавскаго Курьера» 1861 года.

³⁾ Журналъ Военныхъ дѣйствій, № 2, стр. 5, и № 6, стр. 5.

Въ Плоцкой губерніи тоже явились довольно большія банды.

Одна изъ нихъ, какъ говорили, тысячи въ двѣ человекъ, заняла гмину Дмохи-Глинки (еще 15-го января стар. ст.) и провозгласила тамъ народное правительство.

О дѣйствіяхъ противъ этой банды ничего неизвѣстно.

Мелкія банды возникали и исчезали поминутно въ разныхъ пунктахъ, производя различныя безпорядки: портили дороги, телеграфы, останавливали почты, дилижансы, нападали гдѣ было можно на казначейства и таможи. Такъ, разграблены казначейства въ Красникѣ и Уржендовѣ, Замосцьскаго уѣзда Люблинской губерніи; таможи Сосновицкая и Границкая, изъ коихъ въ первой взято 62 тысячи рублей, а во второй 26 тысячъ...

Началась открытая, беспощадная война, почти во всѣхъ пунктахъ Царства вдругъ, между возстаніемъ и правительственными войсками. Нѣмцы раздували пожаръ.

Въ это время стояла въ сторонѣ, какъ бы на-сторожѣ, особая кучка «бѣлыхъ», которая не мѣшалась ни во что, а только всматривалась въ положеніе дѣлъ, ища всемѣрно способа, какъ-бы ихъ скорѣе поправить.

Исходъ возстанія былъ извѣстенъ: всѣ банды, сколько-бы ихъ ни сформировалось, какъ-бы онѣ ни вооружались, въ какихъ-бы счастливыхъ условіяхъ ни дѣйствовали, будутъ непременно разбиты русскими войсками, какъ уже разбиты банды: Здановича, Левановскаго, Нечая и другихъ, а въ заключеніе послѣдуетъ то, что сказалъ г. Набоковъ Крашевскому: «автономію отберутъ, школы устроятъ по старому; введется русскій языкъ и русское судопроизводство»...

Какой-же практической смыслъ въ этихъ битвахъ? Раззореніе, потрясеніе страны изъ конца въ конецъ; совершенное разрушеніе того, что построено за послѣднее время съ такими усиліями, трудами—можно сказать: съ такимъ необыкновеннымъ счастіемъ!

«Что-жъ дѣлать?»—спрашивала себя эта кучка бѣлыхъ, названная нѣсколько позже «бандою торговичанъ»¹⁾. Остановить пожаръ, исправить мгновенно всѣ глупости—невозможно.

Остается дать лучшее направленіе возстанію: сосредоточить власть въ рукахъ такого вождя, который бы согласился слѣдовать ихъ политикѣ, повелѣ-бы дѣла возстанія такимъ образомъ, какъ будетъ... нужнѣе, смотря по обстоятельствамъ, кои во всѣхъ подробностяхъ предвидѣть трудно, но кои, безъ сомнѣнія, не замедлятъ выказаться въ самомъ непродолжительномъ времени.

¹ Гиллеръ, I, 284.

Легко понять, что эта партія была повстанская реакція, шедшая противу всѣхъ, противу большой массы бѣлыхъ, красныхъ, всякихъ. Ей было нужно дѣйствовать въ высшей степени осторожно, вести свои подкопы въ совершенной тайнѣ.

«Тарговичане» стали вглядываться во всѣхъ сколько нибудь выдающихся вождей повстанскихъ полчищъ въ самомъ главномъ пунктѣ Царства, на югѣ Радомской губерніи. Ихъ было четверо: Аполлинарій Куровскій, Антоній Езеранскій, Алоизій Чаховскій и Маріанъ Лангевичъ.

По внимательномъ осмотрѣ всѣхъ этихъ личностей, оказалось, что первый, Куровскій, имѣлъ репутацію человѣка безъ энергіи и безтолковаго. Второй, Езеранскій, при нѣкоторыхъ военныхъ талантахъ и умѣніи держать въ повиновеніи солдатъ и офицеровъ, слылъ строптивымъ и заносчивымъ интриганомъ, съ самымъ необузданнымъ честолюбіемъ. О Чаховскомъ говорили, что это, положимъ, и хорошій, и неутомимый, и твердый характеромъ повстанецъ, но за то, по воспитанію и привычкамъ—сущій дикій звѣрь: только ругается и дерется, и ни съ кѣмъ не ладить.

Протежировать, выводить въ чины кого-либо изъ этихъ господъ сказанной партіи было непрактично.

Наиболѣе спокойнымъ, благовоспитаннымъ, отвѣчающимъ минутѣ, по мнѣнію тарговичанъ, былъ Лангевичъ, человѣкъ не безъ способностей и не безъ практическихъ свойствъ характера: онъ умѣлъ скорѣе другихъ довольно-исправно вооружить свою банду, завести въ ней кое-какіе военные порядки, которыхъ у другихъ не было. А въ особенности, что было поразительно: еще до взрыва, у него сформировался штабъ, канцелярія, и явилась типографія—кто знаетъ, можетъ быть, подарокъ тѣхъ-же тарговичанъ, ихъ краковскихъ братьевъ, сдѣланный этому вождю въ то время, когда тарговицкая партія еще не была партией.

На немъ сосредоточилось вниманіе реакціи.

Необходимо рассказать біографію этого лица, на сколько мы ее знаемъ, хотя по тѣмъ бѣднымъ источникамъ, какіе покажутся существовать ¹⁾.

Маріанъ-Мельхиоръ Лангевичъ родился въ Познанскомъ княжествѣ, въ м. Кротошинѣ, 5-го августа н. ст. 1827 года. Отецъ его, Войтѣхъ Лангевичъ, прусскій военный докторъ, бѣжалъ въ 1830 году въ нашу Польшу и предложилъ услуги тогдашнему революціонному

¹⁾ Разные современные рассказы и статьи, а также брошюра: «Galerie polonaise, le Général Langiewicz, Paris, 1863».

правительству, какъ врачъ. Въ 1831 году его не стало: онъ умеръ или убитъ—въ точности неизвѣстно.

Маріанъ и два его брата, Александръ и Антошь ¹⁾, остались на попеченіи матери. Сперва они учились дома. Потомъ Маріанъ, будучи 9-ти лѣтъ, поступилъ въ Кротошинское уѣздное училище и пробылъ въ немъ до 1844 года, послѣ чего перешелъ въ Тржеминскую гимназію ²⁾. Здѣсь онъ началъ бредить военною службой, и налегаль въ особенности на математику, рассчитывая поступить въ артиллерію.

Бурное время, въ которое Лангевичъ оставилъ школьныя лавки (1848 г.), унесло его въ Прагу, на извѣстный «Съѣздъ славянъ», гдѣ онъ встрѣтился въ первый разъ съ будущимъ своимъ соперникомъ—Мирославскимъ.

Конецъ славянскаго съѣзда и всѣхъ тогдашнихъ революціонныхъ мечтаній Европы очень извѣстенъ...

Лангевичъ очутился послѣ этого въ Бреславлѣ, учителемъ дѣтей какого-то богатаго помѣщика. Потомъ опредѣлился въ Берлинскій университетъ, гдѣ снова преимущественно занимался математикой. Выйдя изъ университета, онъ сдѣлался военнымъ, артиллеристомъ, и дослужился до офицерскаго чина.

Далѣе—разныя обстоятельства увлекли Лангевича въ странствія по Европѣ.

Позднѣйшіе біографы «генерала» утверждаютъ, что онъ былъ въ знаменитой Марсальской тысячѣ, даже якобы адъютантомъ Гарибальди.

Какъ нѣкогда Пинетти породилъ цѣлыя поколѣнія «учениковъ», такъ и новѣйшій повстанскій магъ пустилъ въ ходъ весьма неопредѣленное количество адъютантовъ ³⁾.

Несомнѣнно только то, что Лангевичъ встрѣтился съ Гарибальди въ Генуѣ, гдѣ, подъ вліяніемъ послѣдняго, была основана (какъ уже извѣстно читателямъ) польская военная школа, которой первымъ директоромъ былъ Мирославскій, нелюбимый какъ профессорами, такъ и воспитанниками. Два будущіе диктатора безпрестанно

¹⁾ По другимъ—Осипъ, въ послѣдствіи докторъ.

²⁾ Trzemeszno, въ повѣтъ Могильницкомъ Быдговскаго (Бромбергскаго) обвода. Тамъ съ одиннадцатаго вѣка былъ «Klasztor kaponików regularnych i szkoła przy klasztorze». Съ 1839 г. она переименована въ гимназію, гдѣ все преподавалось по нѣмецки.

³⁾ Въ статьѣ «Походныя Записки» (Военный Сборникъ 1867 г., № 9, стр. 183) говорится, что Лангевичъ былъ адъютантомъ Гарибальдйскаго генерала фонъ-Мильбизца.

ссорились. Школа всегда брала сторону Лангевича — профессора математики, и артиллерии.

Думая постоянно о революціи на берегахъ Вислы, Лангевичъ, болѣе другихъ практической человѣкъ, изъ всѣхъ читавшихъ будущимъ повстанцамъ военныя науки, всячески старался подготовить оружіе, и еще въ ноябрѣ 1862 года приобрѣлъ въ Генуѣ, на деньги, доставленныя ему изъ Царства, 4 тысячи прусскихъ гладкоствольныхъ ружей, съ кремнями, и передѣлалъ ихъ въ ударныя. Потомъ, онъ и Цвѣрчакевичъ купили въ Лондонѣ, при посредствѣ конторы Бонфорта, 3,987 штукъ штуцеровъ, за 180 тысячъ франковъ, и переслали въ Готу и Вѣну, для доставки на мѣсто дѣйствія.

Въ самомъ концѣ 1862 года, центральный комитетъ, зная о заслугахъ Лангевича возстанію, пригласилъ его на высокій постъ воеводы, въ самомъ важномъ пунктѣ — *pacelnikiem sił zbrojnych województwa Sandomierskiego*.

Незадолго до взрыва, Лангевичъ, съ большимъ трудомъ и опасностями, перебрался черезъ австрійскую границу въ Царство Польское, бродилъ отъ изби къ избѣ, какъ его италіанскій патронъ по горамъ и лѣсамъ Папской Области, въ 1849 г., — худой, испитой, блѣдный — и наконецъ стукнулъ на-удачу въ какую-то дверь. Она оказалась гостепріимною. Войдя въ избу, будущій диктаторъ повалился на лавку, отъ крайняго изнеможенія.

Тутъ начинается его служба возстанію 1863 года.

Въ день вспышки, 10-го (22-го) января, Лангевичъ явился предводителемъ отдѣльной банды подъ Шидловцемъ. А четыре дня спустя, пользуясь безпечностью генерала Ушакова, онъ перебрался въ Вонхоцкъ и напечаталъ въ своей походной типографіи «воззваніе къ жителямъ краковскаго воеводства».

Приводимъ это воззваніе цѣликомъ:

«Главная квартира Вонхоць, 26-го января 1863 года.

«Жителямъ краковскаго воеводства.

«Приказомъ народнаго центрального комитета, отъ 10-го сего мѣсяца, будучи призванъ къ начальствованію надъ войсками сандомирскаго воеводства, а устно инструкцію военнаго отдѣла назначенный также командовать силами краковскаго воеводства, я не считалъ себя въ правѣ мѣшаться въ дѣла повстанской организаціи послѣдняго.

«Но такъ какъ, не смотря на легкій способъ препровожденія въ краковское воеводство оружія; не смотря на значительное количество оружія, тамъ уже находящагося; не смотря на всеобщее возстаніе въ русскомъ захватѣ и на множество охотниковъ, безпрестанно являющихся

изъ-за границы; не смотря, наконецъ, на доходящій до смѣха страхъ русскихъ,—въ краковскомъ воеводствѣ не грянулъ еще крикъ: «Да здравствуетъ Польша!» Поэтому я, какъ повстанецъ-полякъ, считаю обязанностью воззвать къ братьямъ-краковякамъ, чтобы они приняли участіе въ повстанскомъ дѣлѣ. Потомки мужественныхъ предковъ! Поддержите эту славу, которую они стяжали себѣ въ Польшѣ! Встаньте хоть въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ, и, бродя по воеводству, тревожьте русскія войска, собирайте охотниковъ, формируйте отряды, а потомъ устраивайте и регулярное войско. Нужны только вѣра, надежда и отвага, а затѣмъ событія, по видимому несбыточныя, совершатся сами собою.

«Подражайте сандомирянамъ, предъ которыми москали трепещутъ. Если исполненіе всего сказаннаго вамъ не трудно, идите сюда, только скорѣе, ибо время дорого!

«До свиданія! ждемъ васъ съ нетерпѣніемъ!

«Военный начальникъ сандомирскаго воеводства. **Маріанъ Лангевичъ**».

Воззваніе это облетѣло оба воеводства и произвело чрезвычайный эффектъ. Печатное революціонное слово всегда и вездѣ имѣетъ свою силу, но въ лѣсу оно сильнѣе, чѣмъ въ городѣ. Въ главной квартирѣ воеводы, именно вслѣдствіе этого, явилось множество помѣщиковъ посмотрѣть на житье-бытье вонхоцкаго войска. Они предлагали Лангевичу разныя услуги: лошадей, припасы, старое оружіе. А иные изъ пріѣзжихъ, будучи увлечены ратнымъ движеніемъ, поступили къ воеводѣ на службу.

Въ числѣ такихъ гостей Лангевича оказались два окрестные зажиточные помѣщика: Станиславъ Карскій и Станиславъ Ясинскій¹⁾, принадлежавшіе къ кружку «тарговичанъ», по крайней мѣрѣ дѣйствовавшіе совершенно въ томъ же духѣ: имъ хотѣлось уничтожить, погасить какъ можно скорѣе повстанскій пожаръ.

Но такъ какъ у «тарговичанъ» не было никакой правильной организаціи и определенной программы: они шли къ своей цѣли нѣсколько въ потемкахъ, создавая, каждый самъ себѣ, планъ и пользуясь всякимъ представлявшимся случаемъ по своему,—Карскій и Ясинскій, пребывая у сандомирскаго воеводы и пощупавъ его съ разныхъ сторонъ, вообразили вдругъ, что могутъ кончить дѣло разомъ, безъ всякихъ особенныхъ прелюдій: они предложили Лангевичу зна-

¹⁾ Этотъ Ясинскій, вслѣдствіе хорошаго обращенія съ крестьянами, получилъ у нихъ прозваніе мужицкаго царя (*Król chłobów*) и этимъ отличался отъ всѣхъ другихъ Ясинскихъ въ Царствѣ.

чительную сумму денег и средства бѣжать изъ Царства, лишь бы онъ отказался отъ своего званія и распустилъ войско. Разумѣется, они рассчитывали при этомъ, что примѣръ Лангевича увлечетъ за собою многихъ другихъ; возстаніе, если не погаснетъ вовсе, то будетъ потрясено въ значительной степени ¹⁾).

Прямодушный воспитанникъ марсальскаго героя, нисколько неприготовленный услышать что либо подобное, отвѣчалъ этимъ господамъ, что «всѣ снисходительныя возраженія его на ихъ странное предложеніе сводятся къ тому, что онъ позволяетъ имъ свободно выѣхать изъ Вонхоцка».

Бесѣда происходила глазъ на глазъ, безъ свидѣтелей. Но когда Карскій и Ясинскій уѣхали, Лангевичъ ту же минуту рассказалъ всю эту исторію наиболѣе близкимъ къ нему офицерамъ: они совѣтовали отправить погоню—она не догнала уѣхавшихъ.

Карскій поѣхалъ прямо въ Радомъ (до котораго отъ Вонхоцка съ небольшимъ 60 верстъ) и, по прибытіи туда, явился немедля къ военному начальнику радомскаго отдѣла, генералу Ушакову, съ которымъ былъ хорошо знакомъ, и представилъ ему печатный экземпляръ вышеприведеннаго воззванія.

Разсказываютъ, будто бы Ушаковъ игралъ въ это время съ пріятелями въ карты; онъ бросилъ ихъ въ-сердцахъ на столъ и вскочилъ на ноги: такой фактъ, какъ печатное воззваніе въ гѣсу, строн и ученья повстанцевъ подъ музыку, точно на завоеванной территоріи, и все это въ 60-ти верстахъ отъ резиденціи главнаго начальника русскихъ войскъ въ губерніи—переполнили мѣру и его долготерпѣнія.

Сверхъ того, въ гостяхъ у генерала находился въ то время присланный намѣстникомъ адъютантъ его, графъ Комаровскій—разбудить бездѣйствіе радомскаго отдѣла: ибо въ Варшавѣ и въ Петербургѣ уже знали о вонхоцкихъ скопищахъ.

Стали составлять планъ нападенія на вонхоцкихъ повстанцевъ, но дабы онъ какъ-нибудь не перелетѣлъ къ Лангевичу, сдѣлали его «секретнымъ».

Предпринималось якобы простое передвиженіе войскъ съ мѣста

¹⁾ А вейде говорить, что Карскій возобновилъ такіа предложенія два раза (III, 37, примѣчаніе). Въ краковской брошюрѣ *Wtył* разсказываютъ о фактѣ подкупа слѣдующимъ образомъ: «od początku wystąpienia Langiewicza opiekowali się nim szczególnie; wyważali zdaje się, że ten człowiek będzie dla nich odpowiedni... z umysłu robili mu imię; kiedy się wzmógł, zaofiarowali mu pieniądze, w zamian za rozpuszczenie oddziału, spodziewali się bowiem, że z rozejściem się najlicniejszego oddziału i powstanie się rozejdzie. W razie potrzeby ogłoszę imiennie ludzi, krórczy z tem poselstwem do Langiewicza byli wysłani».

на мѣсто, посредствомъ чего Лангевича обходили съ трехъ сторонъ одновременно: отрядомъ изъ Радома—съ сѣвера, отрядомъ изъ Опатова—съ юго-востока, и отрядомъ изъ Кѣльць—съ юго-запада. Но происшедшая путаница все это разстроила.

Чтобы читателю было ясно, какъ именно это случилось, необходимо рассказать предварительное передвиженіе войскъ въ этихъ мѣстахъ, вслѣдствіе извѣстнаго приказа барона Рамзая.

Войска до взрыва расположены были тамъ слѣдующимъ образомъ:

Въ Кѣльцахъ—Смоленскій пѣхотный полкъ, съ артиллеріей и небольшимъ числомъ казаковъ и жандармовъ, подъ начальствомъ полковника Ченгери.

Сандоміръ и Завихость заняты были баталіономъ Галицкаго пѣхотнаго полка—командиръ полковникъ Звѣревъ.

Другой баталіонъ этого полка стоялъ въ Опатовѣ. Третій—частью въ Сташовѣ, частью въ Стопницѣ. 4-й, кажется, въ Варшавѣ.

Въ Стопницѣ, кромѣ того, и въ м. Корчинѣ и Пинчовѣ былъ расположенъ Новороссійскій драгунскій полкъ—командиръ полковникъ Шидловскій.

На второй день послѣ взрыва, 12-го (24-го) января, въ исполненіе приказа барона Рамзая, отправлено было къ полковнику Шидловскому, въ Стопницу, такое предписаніе начальника радомскаго отдѣла, за № 7:

«Вслѣдствіе возникшихъ повсюду вооруженныхъ возстаній, предписываю вамъ:

1) Командировать по вашему усмотрѣнію одинъ дивизионъ изъ района нынѣшняго расположенія, направивъ одинъ эскадронъ въ г. Кѣльцы, а другой изъ Кѣльць въ Радомъ.

2) Двѣ роты Галицкаго пѣхотнаго полка и дивизионъ ввѣреннаго вамъ полка, въ видѣ отдѣльнаго отряда, оставить въ Стопницѣ, охраняя уѣздныя учрежденія.

3) Полковой лазаретъ немедленно перевести изъ м. Буска въ Стопницу.

4) (Этотъ пунктъ заключаетъ въ себѣ распоряженія о размѣщеніи войскъ въ Стопницѣ, сколь возможно удобнѣе, не стѣсняясь существующими узаконеніями).

5) Переходъ жандармовъ въ Кѣльцы и Радомъ сдѣлать по предлагаемому маршруту, безъ чиселъ, кои выставите сами».

Это предписаніе было получено въ полку 14-го (26-го) января ¹⁾ и тогда же полковникъ Шидловскій собралъ всѣ части ввѣреннаго

¹⁾ День выхода воззванія Лангевича къ жителямъ краковскаго воеводства.

ему полка въ Стопницу, но требуемаго дивизиона не послать, намѣреваясь прежде сдѣлать усиленную рекогносцировку въ сторону Пинчова и Мѣхова ¹⁾, о чемъ счелъ, однако, излишнимъ увѣдомить Ушакова особымъ рапортомъ, получивъ который, Ушаковъ тотъ же часъ написалъ Шидловскому, отъ 16-го (28-го) января, за № 128, слѣдующее:

«Сильно удивляетъ меня, что ваше высокоблагородіе не исполнили моихъ приказаній о командированіи драгунъ въ Кѣльцы и Радомъ, и еще болѣе удивительно, что въ военное время, въ особенности при настоящихъ обстоятельствахъ, вы спрашиваете: можете ли оттачивать оружіе?»

«Предупреждаю, что мы въ войнѣ, и медленность, а тѣмъ болѣе неисполненіе приказаній есть преступленіе, за которое виновнаго ожидаетъ строжайшее наказаніе.

«При этомъ предписываю: если рекруты Стопницкаго уѣзда уже собраны, то препроводить ихъ немедленно въ Кѣльцы, подъ конвоемъ командирѣмыхъ туда эскадроновъ драгунъ; если они еще не собраны, то эскадронамъ выступить немедленно, не ожидая ихъ сбора, и объ исполненіи сего донести».

Рекруты были собраны и Шидловскій послалъ ихъ въ Кѣльцы тотчасъ по полученіи послѣдняго предписанія, именно 17-го (29-го) января, послѣ обѣда, конвоируя не только требуемымъ дивизиономъ, но еще ротой Галицкаго полка. Самъ же остался въ Стопницѣ съ другою ротой Галицкаго полка и съ дивизиономъ драгунъ, пританутымъ изъ Пинчова и Корчина ²⁾.

Тѣмъ временемъ Ченгери, узнавъ отъ кѣлецкаго жандармскаго штабъ-офицера, что имъ получено изъ Радомы секретное предписаніе «двинуть жандармскія команды вслѣдъ за войсками, если бы таковыя выступили изъ уѣздныхъ городовъ, съ цѣлью составить болѣе сильныя колонны» ³⁾ и имѣлъ сверхъ того извѣстіе отъ управленія радомскаго военного отдѣла, что «къ нему было отправлено нѣсколько депешъ», изъ которыхъ онъ не получилъ ни одной ⁴⁾, вообразилъ себѣ,

¹⁾ По просьбѣ управляющаго имѣніями Велепольскаго, владѣльца Пинчова, Ксенжа-Вельскаго, Хробржа и другихъ мѣстечекъ, лежавшихъ въ этомъ направленіи и угрожаемыхъ бандами. Нѣсколько позже въ Пинчовѣ стоялъ отрядъ барона Райскаго.

²⁾ Вотъ когда Райскій занялъ Пинчовъ, а потомъ Сандоміръ.

³⁾ Согласно предписанію командующаго войсками барона Рамзая.

⁴⁾ Онъ были перехвачены повстанцами и изъ нихъ-то Лангевичъ увидѣлъ

что «въ числѣ этихъ депешъ могло быть распоряженіе о сосредоточеніи болѣе сильнаго отряда въ Кѣльцахъ, какъ пунктѣ очень важномъ» (объ этомъ думали очень многіе отрядные начальники, забываясь о безопасности своихъ персонъ), а потому, не долго размышляя, сталъ просить помощи какъ у командира Новороссійскаго драгунскаго полка, отношеніемъ отъ 17-го января ст. ст., за № 26, такъ и у командира Галицкаго пѣхотнаго полка, отношеніемъ отъ того же числа, за № 27.

Со стороны Шидловскаго подкрѣпленіе въ Кѣльцы, какъ мы видѣли, уже пошло и безъ просьбы Ченгери, но, оставшись съ ротой Галицкаго полка и дивизиономъ драгунъ, Шидловскій скоро самъ пришелъ къ мысли, что его положеніе въ высшей степени небезопасно — и потому нашелъ нужнымъ послать къ полковнику Звѣреву, въ Сташовъ, нарочнаго, съ требованіемъ помощи ротою или двумя.

Едва нарочный отправился, какъ Шидловскій получаетъ извѣстіе отъ Звѣрева, отъ того же 17-го января ст. ст., за № 40, что «Ченгери просить у него помощи цѣлымъ полкомъ, вслѣдствіе чего онъ собралъ въ Сташовѣ всѣ части полка и намѣренъ двинуться въ Кѣльцы, причѣмъ требовалъ у Шидловскаго присылки въ Сташовъ и той роты Галицкаго полка, которая находилась съ драгунами въ Стопницѣ. Въ заключеніе Звѣревъ совѣтовалъ Шидловскому тоже двинуться въ Кѣльцы, такъ какъ съ одними драгунами оставаться въ Стопницѣ было опасно.

Но Шидловскій, получивъ въ это время вышеприведенное предписаніе Ушакова (за № 128), боялся самовольныхъ распоряженій и написалъ Звѣреву, что «въ Кѣльцы не пойдетъ», и снова просилъ помощи, выражаясь такъ: «безъ особаго распоряженія отступить къ Кѣльцамъ не могу и не имѣю никакого права оставить вѣранный мнѣ постъ, о чемъ сообщая вашему высокоблагородію для соображенія, еще разъ покорнѣйше прошу васъ, подъ личною вашею отвѣтственностью, подкрѣпить вѣранный мнѣ отрядъ, если не двумя, то одною ротой, впредь до возвращенія 3-й стрѣлковой»¹⁾.

Тогда Звѣревъ далъ знать Шидловскому, что, «въ удовлетвореніе настоятельнаго его требованія, выступаетъ съ остальными тремя ротами въ Стопницу, присоединивъ къ нимъ и полковой штабъ, вслѣдствіе чего просить сдѣлать распоряженіе объ изготовленіи квартиръ на пять штабъ-офицеровъ, 30 оберъ-офицеровъ и приблизительно на

это горячее метаніе отрядовъ изъ города въ городъ и страхъ русскихъ военачальниковъ, о которомъ упоминаетъ въ воззваніи къ краковянамъ отъ 26-го января 1863 г.

¹⁾ То есть той, которая пошла въ Кѣльцы съ рекрутами.

1,000 человекъ нижнихъ чиновъ. Равно—помѣщеніе для лазарета, полковаго обоза, цейхауза и 145 казенно-подъемныхъ лошадей съ офицерскими, по положенію».

«Причемъ долгомъ считаю увѣдомить васъ (заключая Звѣрева), что оставляю постъ на отвѣтственность вашу».

Конечно, Шидловскій всему этому не мало изумился: и движенію въ Стопницу, вмѣсто просимой роты, цѣлыхъ трехъ ротъ съ полковымъ штабомъ, лазаретомъ, обозомъ, цейхаузомъ, подъемными лошадьми, и навязываемой ему за все это отвѣтственности, тѣмъ не менѣе бросился готовить квартиры.

Едва только прибывшія войска кое-какъ, съ большимъ трудомъ, размѣстились (18-го января ст. ст., вечеромъ), пришла ночью эстафета отъ начальника военного отдѣла: «выступить Шидловскому въ Кѣльцы, забравъ команды инвалидную, жандармскую и казаковъ, а галицкія роты отослать въ Сташовъ»¹⁾. А въ Кѣльцахъ онъ долженъ былъ получить предписаніе идти съ драгунами на Вонхоцкъ, черезъ Бзинь.

(Этимъ началось приведеніе въ исполненіе секретнаго плана).

Звѣреву же приказано тогда же эстафетой, которая, не найдя его въ Сташовѣ, полетѣла вслѣдъ за нимъ въ Стопницу²⁾: «двинуться на Радомъ черезъ Опатовъ и Илжу».

Получивъ сказанныя предписанія почти одновременно въ Стопницѣ, Шидловскій и Звѣревъ, не посвященные въ тайны секретнаго плана, даге вовсе не зная, зачѣмъ предпринималось такое движеніе отрядовъ, рѣшили, что бѣды большой не будетъ, если они оба пойдутъ на Кѣльцы³⁾, гдѣ Шидловскій останется, а Звѣревъ пойдетъ оттуда на Радомъ прямою дорогою, черезъ Бзинь и Шидловецъ, а не черезъ Опатовъ и Илжу.

Такимъ образомъ секретный планъ разстроился.

Высланный изъ Радома, 18-го же января, третій отрядъ, изъ одного баталіона и стрѣлковой роты Могилевскаго пѣхотнаго полка, роты втораго сапернаго баталіона, 2-хъ орудій и 20-ти казаковъ, подъ начальствомъ генерала Марка, въ направленіи къ м. Вержбицѣ⁴⁾, былъ посвященъ въ тайну и зналъ, что драгуны Шидловскаго должны явиться въ извѣстное время въ Бзинь⁵⁾ и тамъ остановиться.

¹⁾ Гдѣ генералъ Ушаковъ предполагалъ Звѣрева съ полковымъ штабомъ.

²⁾ Отъ Сташова до Стопницы 22 версты.

³⁾ Отъ Стопницы до Кѣльць 64 версты. Отъ Кѣльць до Радома около того же.

⁴⁾ 16 версть отъ Радома.

⁵⁾ Бзинь отъ Кѣльць 25 версть.

Генераль Маркъ, подойдя къ Вержбицѣ, послалъ своего адъютанта, поручика Лускино, въ Бзинь—посмотрѣть, пришли-ли туда драгуны, но Лускино ихъ тамъ не нашелъ и рѣшилъ проскакать (на почтовой телѣгѣ, съ двумя стрѣлками) далѣе, до Сухеднева ¹⁾).

Не доѣзжая двухъ верстъ до этого мѣстечка, Лускино былъ остановленъ восемью повстанцами, одѣтыми на подобіе уланъ. Солдаты, бывшіе при немъ, выстрѣлили, но ни въ кого не попали. Уланы отскочили и бросились въ лѣсъ. Телѣга поѣхала далѣе и когда очутилась у почтовой станціи Сухеднева,—изъ-за домовъ выскочила куча вооруженныхъ людей, окружила телѣгу, уставля въ сидящихъ ружья; затѣмъ Лускино съ солдатами былъ арестованъ и отведенъ къ начальнику банды.

Это былъ Чаховскій, высокій, здоровый мужчина лѣтъ 50-ти, съ крупными, выразительными чертами лица, одна изъ тѣхъ фигуръ, которыя у поляковъ называются «бунчучными».

Осмотрѣвъ бумаги Лускино, Чаховскій велѣлъ ему ѣхать къ воеводѣ, въ Вонхоцкъ, а солдатъ оставилъ у себя.

Поѣздъ плѣнника былъ довольно оригиналенъ: впереди почтовая телѣга, парой, съ четырьмя человѣками конвоя, при ружьяхъ и пистолетахъ. За нею, въ другой телѣгѣ, — Лускино, съ адъютантомъ Чаховскаго, Бобровскимъ. Наконецъ, еще телѣга, съ другими четырьмя человѣками конвоя.

Ѣхали шибко. Передъ Вонхоцкомъ поѣздъ былъ окликнуть аванпостами Лангевича.

Вонхоцкъ имѣлъ видъ только-что взятаго непріателемъ города. Вездѣ бродили солдаты, вооруженные различнымъ образомъ: ружьями, косами, саблями; одѣтые въ чамаркахъ и въ бѣлыхъ крестьянскихъ сукманахъ. Шапки на нихъ были обыкновенныя крестьянскія. Только у офицеровъ были конфедератки. Сапоги почти у всѣхъ были длинные, до колѣнъ.

Повозка Лускино остановилась у почты, гдѣ была квартира воеводы, тогда еще полковника, хотя всѣ его называли генераломъ.

У крыльца стояло четыре косинера, скрестивъ косы верхними концами такъ, что подъ ними можно было пройти.

Войдя въ первую комнату, Лускино увидѣлъ кучу народу, болѣе всего похожаго на помѣщиковъ: это былъ Лангевичъ и его штабъ. Сидѣли гдѣ и какъ попало. Самъ Лангевичъ — на диванѣ. Лица всѣхъ показывали, что они только что изъ-за обѣда, за которымъ было изрядно выпито. Тутъ же находились двѣ молодыя, довольно

¹⁾ Сухедневъ 6 верстъ отъ Бзина; отъ Вонхоцка 18 верстъ. Н. В.

красивыя женщины, въ обыкновенныхъ женскихъ платьяхъ. Штабъ былъ въ черныхъ чамаркахъ. Лангевичъ имѣлъ чамарку темнаго цвѣта, обложенную чернымъ бараномъ, большіе сапоги и саблю. На лѣвой рукѣ у него была трехцвѣтная перевязь. Ростомъ онъ былъ не высокъ, лицомъ худощавъ, съ густою русою бородкой. Глядѣлъ задумчиво, сумрачно. Съ разу было видно, что онъ полонъ постоянныхъ заботъ и тревогъ.

Лангевичъ, зная изъ краткаго донесенія Чаховскаго, что Лускино искалъ драгунъ,—тотчасъ же, послѣ перваго привѣтствія, спросилъ объ нихъ у плѣнника. Лускино отвѣчалъ, что «дѣйствительно посланъ былъ узнать, нѣтъ-ли тутъ въ окрестностяхъ войскъ, но ничего не нашелъ».

Послѣ этого онъ сталъ проситься въ отрядъ. Лангевичъ отвѣчалъ, что «самъ сдѣлать этого не можетъ, а какъ рѣшить совѣтъ. У меня на все совѣтъ»,—прибавилъ онъ,—«впрочемъ, насколько будетъ отъ меня зависѣть, я готовъ настаивать, чтобы васъ отпустили».

(Такимъ образомъ воевода былъ уже, до нѣкоторой степени, поставленъ въ условія, какихъ хотѣла отъ будущаго диктатора реакція: «у меня на все совѣтъ, самъ ничего не могу сдѣлать!»).

Окружавшія Лангевича лица вышли вмѣстѣ съ нимъ въ другую комнату, совѣщались недолго и Лангевичъ, являсь опять передъ плѣнникомъ, сказалъ ему, что «онъ свободенъ».

— Позвольте-жъ мнѣ захватить по дорогѣ и стрѣлковъ, арестованныхъ въ Сухедневѣ,—замѣтилъ Лускино.

— «Напрасно вы не сообщили мнѣ объ этомъ сначала. На это нужно новое совѣщаніе». Съ этими словами Лангевичъ опять ушелъ въ соседнюю комнату.

На этотъ разъ совѣщаніе тянулось дольше. Слышенъ былъ довольно горячій споръ. Тѣмъ временемъ, Лускино подали чаю, который тутъ же разливали женщины. Онѣ, послѣ разныхъ пустыхъ вопросовъ, стали уговаривать поручика поступить въ ихъ ряды, обѣщая хорошее содержаніе.

Наконецъ, вынесено рѣшеніе совѣта, неблагоприятное для плѣнника: не только не отпустили стрѣлковъ, но и самого его задержали въ Вонхоцкѣ, приказавъ ему отправиться въ квартиру коменданта Козлицкаго, гдѣ была ему отведена чистая и удобная комната. Лангевичъ прислалъ туда самоваръ, чаю и сахару, а на другой день, 19-го января ст. ст., навѣдался къ плѣннику самъ и спросилъ: «доволенъ-ли онъ помѣщеніемъ и все-ли у него есть?»

При этомъ сдѣлалъ выговоръ коменданту за какія-то сдѣла.

Вонхоцкая банда Лангевича (на сколько удалось разузнать Лускино) состояла изъ 600 человекъ, дѣлясь на три части или шеренги ¹⁾: первая—косинеры; вторая—стрѣлки; третья—безъ всякаго оружія.

Въ зарядахъ чувствовался недостатокъ. Въ то время, когда Лускино содержался въ плѣну, противъ драгунъ, вышедшихъ изъ Кѣльце въ направленіи къ Бзину, отправлена была какая-то часть отряда Лангевича, которая встрѣтила ихъ залпомъ изъ густаго лѣса и принудила отступить. Повстанцы, воротившіеся изъ этой экспедиціи, жаловались, что инымъ изъ нихъ нечѣмъ было заряжать ружей, хотя ружья и были ²⁾.

Генераль Маркъ, напрасно прождавъ своего адъютанта и не имѣя никакого свѣдѣнія о драгунахъ Шидловскаго, равно о движеніи отряда Звѣрева (котораго ждали совсѣмъ съ другой стороны), рѣшился идти на Вонхоцкъ одинъ.

Нечего и говорить, что для того, чтобы выбить Лангевича изъ Вонхоцка, силъ у генерала Марка было совершенно достаточно, но «окружить банду и уничтожить» (какъ задумано было въ секретномъ планѣ) Маркъ никоимъ образомъ не могъ. Лангевичъ, зная каждый нашъ шагъ, приготовился къ выступленію и когда генераль Маркъ подошелъ къ Вонхоцку (22-го января стар. ст.), повстанцы, его занимашіе, выступили изъ города, отстрѣливаясь—и пошли къ Свенто-Кржискимъ горамъ. Отрядъ генерала Марка занялъ Вонхоцкъ и, по совѣту адъютанта намѣстника, графа Комаровскаго, велѣлъ его зажечь ³⁾.

Послѣ говорили, что генераль Маркъ могъ бы преслѣдовать отступавшихъ безъ особеннаго порядка повстанцевъ и нанести имъ значительный вредъ. Во всякомъ случаѣ, онъ долженъ былъ собрать свѣдѣнія, куда именно отступила банда, но этого не сдѣлалъ и получилъ строгій выговоръ отъ начальника отдѣла ⁴⁾.

Между тѣмъ Лангевичъ, достигнувъ Св. Кржискихъ горъ, занялъ

¹⁾ Послѣ, почти во всѣхъ бандахъ, былъ принятъ двухшереножный строй.

²⁾ Все это разсказано автору самимъ поручикомъ Лускино.

³⁾ Журналъ Военныхъ дѣйствій, № 6, стр. 4—5, и разказы разныхъ военныхъ радомскаго отдѣла.

⁴⁾ «Походныя Записки» въ «Военномъ Сборникѣ» 1867, № 9, стр. 182.

крѣпкую позицію на одномъ крутомъ скатѣ, неподалеку отъ монастыря ксендзовъ Демеритовъ (Klasztor księży Demerytów) ¹⁾.

Во все время движенія туда банды и по прибытіи ея на мѣсто, къ ней присоединялись толпы охотниковъ, и она, такимъ образомъ, быстро увеличиваясь въ своихъ размѣрахъ, стала одною изъ самыхъ солидныхъ бандъ на югѣ Царства. Имя Лангевича повторялось вездѣ. Въ краковскомъ «Часѣ» явился эффектный бюллетень, гдѣ отступление изъ Вонхопка возводилось на степень побѣды ²⁾.

Разныя сложныя обстоятельства: занятіе крупными бандами оставленныхъ нами городовъ и мѣстечекъ, оглашеніе тамъ народнаго правительства ³⁾, преувеличенные слухи о силахъ повстанцевъ, общее смущеніе начальниковъ нашихъ отрядовъ и даже иныхъ отдѣловъ и самой Варшавы—способствовали тому, что банда Лангевича оставалась въ покоѣ пѣлюю недѣлю. Это дало ему возможность лучше укрѣпиться и обучить своихъ солдатъ кое-какимъ военнымъ приемамъ. Конечно, изъ этой недѣли не пропала для повстанцевъ ни одна минута.

Только 28-го января стар. ст. полковникъ Ченгери (который былъ ближе другихъ къ мѣстамъ, гдѣ вращалась банда сандомірскаго воеводы) выступилъ изъ Кѣльць съ отрядомъ въ 5 ротъ пѣхоты, польскаго эскадрона драгунъ и 50 казаковъ, при одномъ орудіи, въ непремѣнномъ намѣреніи отыскать банду Лангевича—и на другой же день напалъ на ея слѣды, атаковалъ ее на высотахъ подъ м. Слупя-Нова и заставилъ отступить въ лѣсъ. При этомъ повстанцы оставили въ нашихъ рукахъ множество провизіи и вещей (11 возовъ), планы, приказы по войскамъ, повстанскія инструкціи, списки четырехъ взводовъ баталіона, только что полученныя изъ Варшавы хорошія карты Польши и 43 лошади.

Въ числѣ чисто-военной добычи находились двѣ деревянныя пушки, съ желѣзными обручами.

¹⁾ То есть осужденныхъ на эштитимью. Въ этотъ монастырь ссылали провинившихся въ чемъ-либо духовныхъ особъ со всего Царства. Лангевичъ всѣхъ ихъ освобождалъ и они бились потомъ въ его отрядѣ, опоясанные саблями, съ крестомъ въ одной рукѣ и съ револьверомъ въ другой. Трое изъ нихъ были убиты.

²⁾ Авейде говорить, что большинство ихъ военныхъ бюллетеней писаны Гиллеромъ. Янчевскій считаетъ Гиллера тайнымъ приверженцемъ Лангевича.

³⁾ Баронъ Райскій, какъ извѣстно читателямъ, занялъ Пинчовъ, потомъ Сандоміръ, куда пришли и другія банды. Стопница занята помѣщикомъ Ситовичемъ; Сташовъ—Мацѣевскимъ.

Двигаясь послѣ этого проселочными дорогами и густыми лѣсами къ Сташову, банда Лангевича производила всевозможныя насилія: брала у помѣщиковъ и у крестьянъ все, что было ей нужно, принуждая при этомъ всѣхъ могущихъ носить оружіе становиться въ ряды, подѣ страхомъ жестокихъ наказаній, а упрямыхъ и подозрительныхъ безъ церемоніи вѣшала, либо разстрѣливала. Такъ, наканунѣ отступленія изъ-подъ Слупи-Новой, былъ разстрѣлянъ опатовскій солтысъ за то, что противился приказаніямъ посланныхъ изъ банды. Кромѣ того, приговорены къ разстрѣлію два крестьянина и одна дама, полька, бывшая замужемъ за русскимъ офицеромъ изъ Кѣльцѣ (всѣ трое по подозрѣнію въ шпіонствѣ), но приближеніе нашего отряда помѣшало исполненію экзекуціи. Всѣ три жертвы были брошены, какъ равно оставленъ въ Вонхоцкѣ и поручикъ Лускино.

Къ тому же времени (когда отрядъ Лангевича находился въ сказанныхъ маршахъ между Вонхоцкомъ и Сташовомъ) относятся курьезныя похожденія помѣщика Сандомірскаго уѣзда, д. ст. с. Петрова¹⁾. Такъ какъ эти похожденія имѣютъ связь съ интригой партіи, которая способствовала возвышенію сандомірскаго воеводы, то мы считаемъ нелишнимъ разсказать ихъ читателямъ.

Петровъ пріѣхалъ наканунѣ нашего Новаго года (1863) въ маіоратъ своего тестя Погодина (бывшаго генералъ-интенданта 1-й, т. е. польской арміи при Паскевичѣ), Осекѣ²⁾, вслѣдствіе полученныхъ въ Варшавѣ извѣстій, что онъ сильно занемогъ.

¹⁾ Извѣстнаго шахматнаго игрока, который въ журналѣ Англійскаго Шахматъ-Клуба, въ половинѣ 1860-тыхъ годовъ, признанъ первымъ шахматнымъ игрокомъ нашего времени. Онъ игралъ со всѣми лучшими игроками Старога и Новаго Свѣта, и всѣхъ ихъ обыгралъ, исключая Морфи, который почему-то не согласился съ нимъ играть—и такимъ образомъ какъ бы призналъ себя побѣжденнымъ. Извѣстному русскому шахматному игроку, князю Урусову (который играетъ иногда—не смотря на доску), Петровъ проигралъ первыя три партіи, за то всѣ послѣдующія у него выигрывалъ. Однажды, въ вѣнскомъ шахматномъ клубѣ, подѣвъ къ двумъ сильнымъ игрокамъ и видя, что одинъ изъ нихъ черезчуръ медлитъ выходомъ, Петровъ попросилъ позволенія сдѣлать выходъ вмѣсто него, и, когда это было разрѣшено, выступилъ шашкой. Оба игрока сказали въ одинъ голосъ: «вы—Петровъ!»

Петровъ разсказывалъ автору объ этомъ случаѣ съ большимъ увлеченіемъ.

Какъ давній житель Царства Польскаго, Петровъ, сроднившійся съ поляками, постоянно относился къ нимъ сочувственно. Офіціальныя русскія лица называли его «повстанцемъ».

Петровъ умеръ въ Варшавѣ 10-го (22-го) апрѣля 1867 г.

²⁾ На югѣ Сандомірскаго уѣзда, въ восьми верстахъ отъ австрійской границы.

Н. В.

21-го января стар. ст. Погодинъ скончался, а на другой день, послѣ обѣда (день отступленія Лангевича изъ Вонкоцка къ Св. Кржи-скимъ горамъ, когда впервые были потрясены мечтанія повстанцевъ, зажившихся въ этомъ городѣ, и штабъ Лангевича рѣшилъ вести интригу какъ можно поспѣшнѣе), прискакало къ Петрову 8 человекъ конныхъ повстанцевъ, между которыми былъ хорошо извѣстный Петрову помѣщикъ Сандомірскаго уѣзда, баронъ Райскій ¹⁾.

Послѣдній вошелъ прямо въ домъ. Петровъ встрѣтилъ его, какъ встрѣчаютъ гостей, не показывая ни малѣйшаго вида, что считаетъ прибытіе его, съ семью провожатыми, вооруженными съ головы до ногъ, чѣмъ-то страннымъ и неожиданнымъ. Подана была добрая закуска и бутылка стараго «венгрина».

Райскій, наливъ большой стаканъ и поднявъ его, воскликнулъ: «zdrowie powstańców!»... ²⁾.

Петровъ, какъ ни прикидывался невидящимъ ничего особеннаго въ прїездѣ и одеждѣ Райскаго, послѣ этого тоста невольно уставилъ на него глаза; но тотъ, какъ бы не замѣчая его удивленія, объявилъ тутъ же, что «цѣль его прибытія состоитъ собственно въ томъ, чтобы отобрать у хозяина всякое оружіе, какое у него найдется, что на это есть приказъ сандомірскаго воеводы Лангевича, стоящаго отсюда неподалеку съ большимъ отрядомъ».

Петровъ нисколько не сопротивлялся и сказалъ: «пусть осмотрятъ весь домъ и возьмутъ что нужно!».

Райскій взялъ только часть найденнаго оружія и узнавъ, во время ревизіи, о покойникѣ въ домѣ, пошелъ поклониться его праху—и принялъ при этомъ православное благословеніе священника, находившагося у гроба.

Послѣ этого повстанцы ускакали.

Черезъ нѣсколько дней, именно 4-го (16-го) февраля, уже по занятіи Лангевичемъ Сташова) къ Петрову явилось 40 человекъ уланъ «взять контрибуцію живностью и фуражомъ, арестовать Петрова и доставить въ Сташовъ».

Уланы потребовали: 15 лошадей, 10 воловъ, 20 барановъ, 100 корцевъ овса, 100 квартovýchъ бутылей сладкой водки, 100 пече-

¹⁾ Это было послѣ отбытія Райскаго изъ Пинчова въ направленіи къ Сташову и Сандоміру. Пинчовъ отъ Сташова 47 верстъ; Сандоміръ отъ послѣдняго, прямою дорогою, около того же.

²⁾ «Здоровье повстанцевъ!»...

ныхъ хлѣбовъ (bochenkôw), четыре кованыхъ телѣги, сѣдла и сбрую, какая найдется; при этомъ предъявили письменный приказъ повстанскаго начальника Сандомірскаго уѣзда, Скотницкаго ¹⁾.

Петровъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы все требуемое было отпущено. Только вмѣсто печеныхъ хлѣбовъ, выдана просто-за-просто мука, приблизительно на сто хлѣбовъ.

Двинулся цѣлый обозъ....

А уланы, обшаривъ весь домъ (причемъ отпирали разные ящики, запертые на ключъ), взяли изъ стола помѣщика 255 рублей денегъ, заложили бричку и, посадивъ въ нее Петрова, покатили въ Сташовъ.

5-го (17-го) февраля, въ часъ пополудни, прибыли они въ этотъ городъ и подъѣхали къ дому, гдѣ квартировалъ Лангевичъ. Это былъ домъ откупщика Левандовскаго. Лангевичъ занималъ первый этажъ ²⁾.

Петровъ по крайней мѣрѣ съ четверть часа сидѣлъ въ бричкѣ, пока воеводѣ вздумалось его принять. Когда же онъ вошелъ къ нему, то увидѣлъ, что Лангевичъ сидитъ за столомъ, съ нѣсколькими штабными, и обѣдаетъ.

— «Pan obiad jadt?» ³⁾,—сказалъ, не вставая, Лангевичъ, безъ всякаго привѣтствія.

— Нѣтъ, гдѣ же,—отвѣчалъ плѣнникъ, разумѣется, также по польски ⁴⁾.

— «Прошу садиться!»

Петровъ сѣлъ и притомъ взглянулъ на «генерала»: его поразило блѣдное, осунувшееся лицо Лангевича, напоминавшее лицо человѣка, только что вставшаго съ болѣзненнаго одра.

Одѣтъ Лангевичъ былъ такъ же, какъ видѣлъ его Лускино: въ

¹⁾ Надо замѣтить, что Сандомірь, по выходѣ изъ него подполковника Мѣднкова, снова очутился въ рукахъ повстанцевъ. Туда прибыла какая-то банда и огласила народное правительство, установивъ революціонные знаки и чины.

²⁾ По польски, по нашему второй.

³⁾ «Вы обѣдали?»

⁴⁾ Петровъ говорилъ по польски отлично. Въ домѣ его почти не слышалось другаго языка, кромѣ польскаго. Жена Петрова, хотя и русская по происхожденію, была въ душѣ совершенная поляка. На ея деньги, издавалась въ Варшавѣ въ 1861 г. дешевая газета для народа «Czytelnia Niedzielna», которой редакторомъ былъ Агазонъ Гиллеръ, послѣ членъ жовнда народоваго, нынѣ сотрудникъ Gazety Narodowej.

темнобрую чамарку съ бѣлорозовою перевязью черезъ плечо, похожую на станицлавовскую ленту.

Подали очень скромный обѣдъ: супъ, сваренный сносно, и говядину съ тертымъ картофелемъ. Вино и водка были добрые и скоро пошли въ ходъ. Одинъ изъ сидѣвшихъ за столомъ штабныхъ Лангевича, бѣлый какъ луны уланъ 1830-го года ¹⁾, говорилъ болѣе другихъ и безпрестанно предлагалъ тостъ: «за wolność Polski!» ²⁾.

Самъ Лангевичъ во весь обѣдъ не говорилъ ни слова.

Вдругъ вошелъ въ комнату молодой красивый уланъ, въ полной формѣ, при саблѣ, пистолетѣ и даже кинжалѣ, и, сдѣлавъ рукой подъ козырекъ, подавъ Петрову письмо и сказалъ: «Panie jenerale, masz list z Warszawy!» ³⁾

Взглянувъ мелькомъ на подателя письма, Петровъ узналъ въ немъ знакомую ему воспитанницу Пулавскаго Александрійскаго института для благородныхъ дѣвицъ, гдѣ онъ состоялъ одно время членомъ совѣта по хозяйственной части, нрѣдко бывалъ на публичныхъ испытаніяхъ и слышалъ, какъ этотъ уланъ (тогда робкая, стыдливая и конфузливая дѣвица—по крайней мѣрѣ на публичныхъ испытаніяхъ) отвѣчала довольно плохо своимъ экзаменаторамъ изъ разныхъ предметовъ.

Это была дочь русскаго генерала Пустовойтова, надѣлавшая довольно шуму своими проказами, о которыхъ въ минуту, нами изображаемую, еще никто ничего не зналъ, всего менѣе скромный шахматистъ, не занимавшійся ровно ничѣмъ, кромѣ своихъ возлюбленныхъ шахматовъ, которые воображалъ передъ собою съ утра до ночи, во всякихъ положеніяхъ жизни, въ веселомъ и печальномъ настроеніи духа.

Вудучи пораженъ преобразованиемъ бывшей пулавской институтки въ повстанскаго улана, Петровъ, вообще крайне-простой и безцеремонный въ приемахъ, воскликнулъ по русски:

— «Анюта, ты какъ здѣсь?»

Уланъ улыбнулся и, не отвѣчая ничего, вышелъ...

Петровъ сталъ вскрывать письмо, но Лангевичъ остановилъ его словами:

— «Извините, я прежде прочту!»

Взявъ письмо, взглянулъ въ него и сказалъ: «ахъ, это по русски!»

¹⁾ Помѣщикъ Кржесимовскій, формировавшій у Лангевича кавалерійскій отрядъ на казачьихъ лошадяхъ.

²⁾ «За свободу Польши!».

³⁾ «Генералъ, къ вамъ письмо изъ Варшавы!»

Послѣ чего вызвалъ изъ-за стола одного офицера (Михаловскаго) и велѣлъ ему перевести письмо шопотомъ по польски, затѣмъ отдалъ его Петрову ¹⁾ и сѣлъ за столъ.

Послѣ обѣда плѣннику была отведена квартира у коменданта, окна которой выходили на площадь. Мирный шахматистъ могъ очень удобно видѣть все ратное движеніе повстанцевъ и выводить изъ этого свои заключенія объ ихъ силахъ, военныхъ порядкахъ и вооруженіи. Разумѣется, сандомірскій воевода и его штабъ старались, что называется—«продать товаръ лицомъ». Часть солдатъ постоянно училась на площади. Лангевичъ, верхомъ на конѣ, въ сопровожденіи Пустовойтовой, то и дѣло объѣзжалъ ряды, при громкихъ крикахъ ура! Потомъ двигались волы, бараны, подводы съ битой скотиной и другими съѣстными припасами. Продвигался также обозъ изъ деревни самого наблюдателя, Петрова. Въ одной сторонѣ площади вертѣлись точила, на которыхъ точились ножи, косы, сабли, наконечники для пикъ...

Одежда войска, которое Петровъ видѣлъ изъ своихъ оконъ, состояла преимущественно изъ полушубковъ.

Такъ называемые «уланъ» были также въ полушубкахъ. Разница между пѣхотой и уланами заключалась единственно въ томъ, что одни полушубки сидѣли на коняхъ и имѣли вооруженіемъ саблю и пикъ; а другіе не сидѣли на коняхъ и имѣли ружья или косы.

Только между косинерами замѣчалась нѣкоторая пестрота въ одѣяніи: въ чемъ кто пришелъ, въ томъ и оставался.

На головахъ рѣшительно у всѣхъ ратниковъ были рогативки краснаго цвѣта, съ бѣлою или черною выпушкой.

Что касается количества солдатъ у Лангевича, Петрову говорили, что косинеровъ 3 баталіона, по 1,000 человекъ каждый, а четвертый формировался. Стрѣлковъ 300, уланъ также 300 ²⁾.

Артиллерія состояла изъ 4-хъ мѣдныхъ пушекъ (виватувокъ), безъ лафетовъ. Онѣ постоянно ѣздили на возахъ и, сколько извѣстно, ни разу не употреблялись въ дѣло.

О содержаніи войска Петровъ узналъ, что «косинеръ», поступающій на службу, получаетъ рогативку и пару сапогъ. Потомъ ему вы-

¹⁾ Письмо это было отъ жены Петрова, которая оставалась въ Варшавѣ, когда онъ поѣхалъ въ Осекъ. Не найдя Петрова въ маіоратѣ, письмо отправлено было управляющимъ въ Сташовъ.

²⁾ Это же количество показано и въ Журналѣ Военныхъ дѣяній.

даютъ въ сутки: поль-бохенка хлѣба, двѣ чарки водки и злотъ деньгами».

Стрѣлки и «улары» не получали ничего, держа себя сами, какъ знали и умѣли.

Полковую музыку составляли захваченные гдѣ-то тиролецъ ¹⁾.

Со стороны сословій, войско Лангевича представляло чрезвычайную смѣсь, куда, главнымъ образомъ, входили: мелкая шляхта, фабричный и ремесленный народъ, лѣсничіе, городскіе жители и помѣщичьи дворовые люди (офиціалисты). Крестьянъ было очень мало: человекъ 30 на всю массу.

Въ общемъ, Петровъ, какъ человекъ не военный, какъ имѣвшій къ полякамъ слабость и желавшій имъ въ душѣ всякихъ успѣховъ, добра и счастья,—былъ болѣе очарованъ, нежели разочарованъ арміей Лангевича. Повстанскій генераль представлялся ему долго, до конца жизни, настоящимъ генераломъ. Онъ говорилъ объ немъ не иначе, какъ съ нѣкоторымъ благоговѣніемъ. На это-то и били захватившіе Петрова въ плѣнъ высшіе чины воеводскаго штаба: чтобы Петровъ—человекъ почтенный, самъ чина генеральскаго, называвшійся въ обществѣ зачастую «сенаторомъ»—разсказалъ по возвращеніи своемъ въ Варшаву о разныхъ видѣнныхъ имъ чудесахъ и страхахъ, давая однако-же разсказу своему тотъ отгѣнокъ, что все это страшное войско, знакомое со всѣмъ, что нужно знать войску, значительно намуштрованное и весьма сносно вооруженное, вообще войско хоть куда

Задней стороны медали Петровъ видѣть не могъ и не умѣлъ: какъ Лангевичъ выбивается изъ силъ, распекая то того, то другаго начальника части за разные упущенія; какъ онъ находитъ лично то уснувшіе, то замерзшіе пикеты, а не то—ничего ровно не находить на мѣстѣ назначенныхъ пикетовъ... а тутъ привели дезертира, не то мнимаго или настоящаго шпіона: суди ихъ, вѣшай, разстрѣливай! Обдумывай тысячи вопросовъ вдругъ, иной разъ совершенно неразрѣшимыхъ—и все это среди русскихъ штыковъ, которые могутъ нагрянуть, окружить, переколоть все это страшное для Петрова воинство—и «генераль» очутится въ самыхъ невыгодныхъ для него условіяхъ.

¹⁾ Такъ, по крайней мѣрѣ, выражался о нихъ Петровъ; а, можетъ, это была другая нація. Н. В.

Для простодушнаго шахматиста, такъ ловко и быстро рѣшавшаго поминутно въ своемъ умѣ миллионы шахматныхъ проблеммъ, навсегда осталось тайной, почему Лангевичъ такъ худъ, блѣденъ и задумчивъ...

Между тѣмъ, какъ все это происходило, слухи о провозглашеніи повстанцами народнаго правительства въ нѣсколькихъ пунктахъ вдругъ заставили нѣкоторыхъ начальниковъ частей принять завѣщанія отъ нихъ мѣры къ возстановленію порядка.

Еще 28-го января ст. ст. (когда Лангевичъ былъ въ Св. Кржискихъ горахъ) выступилъ изъ Опочно отрядъ маіора Донецъ-Хмѣльницкаго, изъ двухъ ротъ Галицкаго пѣхотнаго полка, въ направленіи къ селенію Корыткову, гдѣ, какъ говорили, бродили банды помѣщика Лакинскаго ¹⁾. Однако-же тамъ никого не оказалось: Лакинскій успѣлъ перейти въ Опочно и провозгласить въ этомъ мѣстечкѣ народное правительство.

Ничего не зная объ этомъ, маіоръ Хмѣльницкій продолжалъ розыски въ направленіи къ г. Коньске, гдѣ получилъ въ подкрѣпленіе изъ Радома роту Галицкаго полка и двѣ роты Могилевскаго, съ приказаніемъ отъ начальника отдѣла вернуться въ Опочно и выбить оттуда повстанцевъ, что и исполнилъ съ ротой Галицкаго и двумя ротами Могилевскаго полка, а двѣ роты Галицкаго оставилъ въ Коньске, дабы тамъ не случилось того же, что въ Опочно.

Банда Лакинскаго ушла въ монастырь Студзянну, перевезя туда же два чугунныхъ орудія, отлитыя на заводѣ Эванса, въ Држевицѣ—селеніе между Радомомъ и Опочно, отъ послѣдняго 18 верстъ.

Идти на монастырь Студзянну Хмѣльницкій не рѣшился и далъ знать объ этомъ въ Радомъ, вслѣдствіе чего посланъ оттуда новый отрядъ, изъ двухъ ротъ Галицкаго и двухъ ротъ Могилевскаго полка, при двухъ орудіяхъ, подъ начальствомъ полковника Звѣрева; но съ приближеніемъ его къ монастырю, банда, находившаяся тамъ, удалилась къ м. Пилицѣ, оставя въ нашихъ рукахъ одно чугунное орудіе съ 4-мя лошадьми и довольно пороху.

Полковникъ Звѣревъ однако же не преслѣдовалъ этой банды и воротился въ Радомъ.

¹⁾ Того самаго, что мы видѣли въ солдатскомъ театрѣ, въ Ендржевѣ. 3-го января ст. ст. 1863 г. Н. В.

Въ то же самое время, отрядъ въ три роты пѣхоты Галицкаго полка и нѣсколько казаковъ, подъ начальствомъ маіора Голубева, направлень былъ къ Опатову, и, наконецъ, 4-й отрядъ, изъ роты Смоленскаго полка и эскадрона драгунъ, подъ начальствомъ маіора Загряжскаго, посланъ въ Стопницу, съ приказаніемъ тому и другому: возстановить надлежащій порядокъ и русское правительство въ сказанныхъ пунктахъ, дѣйствуя противъ бандъ, какія попадутся, по усмотрѣнію.

Оба отряда, Голубева и Загряжскаго, не нашли никакихъ повстанцевъ въ мѣстахъ, куда были направлены; узнали только, что банда сандомірскаго воеводы находится въ Сташовѣ—и оба двинулись въ ту сторону.

Загряжскій имѣлъ небольшое дѣло съ аванпостами Лангевича, 17-го февраля н. ст. ¹⁾, но далѣе не пошелъ. Равно не пошелъ и Голубевъ и оба дали знать о своемъ положеніи въ Радомѣ.

Начальникъ радомскаго военнаго отдѣла увѣдомилъ намѣстника о затрудненіяхъ, встрѣчаемыхъ на пути разными нашими отрядами. Тогда-же пришли въ Варшаву вѣсти «будто бы изъ-за границы прибыло вдругъ нѣсколько отрядовъ подъ начальствомъ Мирославскаго, числомъ всего до 17-ти тысячъ человекъ, гдѣ однихъ венгерцевъ 8 тысячъ; что вся эта масса кроется гдѣ-то на югѣ Радомской губерніи, якобы въ Олькушскомъ уѣздѣ».

Слухамъ этимъ, не смотря на всю ихъ недѣльность, въ ту минуту болѣе или менѣе вѣрили, считали «все это» возможнымъ.

Намѣстникъ приказалъ двинуться въ Олькушскій уѣздъ отряду полковника Островскаго, изъ Ченстохова, и отряду князя Багратиона (7-й стрѣлковый баталіонъ, рота Смоленскаго пѣхотнаго полка, два взвода Новороссійскихъ драгунъ, 80 донскихъ казаковъ № 3 полка, 50 объѣздчиковъ завихостской пограничной стражи и 2 орудія батареіной № 2 батареі 7-й артиллерійской бригады)—изъ Мѣхова.

Для взаимнаго же соглашенія ихъ дѣйствій, отправлень изъ Варшавы оберъ-квартирмейстеръ войскъ въ Царствѣ Польскомъ, генералъ-маіоръ Черницкій, съ гвардейскимъ отрядомъ, изъ 3-хъ ротъ С.-Петербургскаго гренадерскаго короля прусскаго Фридриха-Вильгельма III и роты Кексгольскаго гренадерскаго императора австрійскаго полковъ.

¹⁾ День прибытія Петрова къ Лангевичу. Петровъ, сидя подъ окномъ своей квартиры, слышалъ выстрѣлы. Пули летали по улицамъ и шелкали въ дома Пльнника могла убить своя родная пуля.

Такъ какъ повстанцы вѣчно знали обо всѣхъ предпринимаемыхъ противъ нихъ движеніяхъ, обо всякомъ шагѣ нашихъ отрядовъ, то всегда могли уклониться отъ встрѣчи съ ними, что и дѣлали каждый разъ, какъ скоро видѣли, что силы ихъ съ наступающими черезчуръ неравны. А потому ни отрядъ Багратіона, ни гренадеры (промчавшіеся къ тому-же по желѣзной дорогѣ) ничего нигдѣ не нашли и воротились къ мѣстамъ своего постоянного пребыванія ¹⁾. Только одинъ ченстоховскій отрядъ, пройдя черезъ Славковъ, Домброву, Сѣвержъ и Козеглавъ, захватилъ въ Олькушѣ, 8-го февраля ст. ст.. 8 повстанскихъ лошадей и 30 пудовъ пороку, но банды никакой не встрѣтилъ.

Повстанцы, которыхъ искали наши отряды (конечно, далеко не въ томъ количествѣ, какъ ходили вѣсти), укрывались по разнымъ дремучимъ лѣсамъ, безпрестанно мѣняя мѣста.

Одна большая банда, подъ начальствомъ Куровскаго, рѣшилась, по выходѣ Багратіона изъ Мѣхова, овладѣть этимъ городомъ (4-го февраля ст. ст.), но была отражена случайно зашедшею туда ротой Смоленцевъ, которая сопровождала рекрутъ ²⁾. Куровскій долженъ былъ ретироваться ³⁾.

Укрываясь потомъ нѣкоторое время въ горахъ и лѣсахъ Мѣховскаго уѣзда, Куровскій снесся съ бандами Лакинскаго, Езеранскаго и Лангевича, занимавшими разныя лѣсныя мѣстности южной части Радомской губерніи, и узнавъ, что они намѣрены двинуться къ сѣверу, на Кѣльцы, пошелъ туда же.

Когда всѣ эти банды подошли къ д. Родовицы (между м. Раковымъ и Кѣльцами), къ Лангевичу явилась депутація изъ Кѣльць съ выраженіемъ желанія, чтобы онъ немедленно шелъ въ ихъ городъ и занялъ его, причемъ обѣщана помощь всѣхъ жителей, якобы давно готовыхъ встать поголовно.

¹⁾ Къ 12-му февраля ст. ст. гренадеры воротились въ Варшаву.

²⁾ Замѣчательно, что все еще происходило страстіе рекрутскихъ партій по Царству, какъ-бы въ обыкновенное, невоенное время.

³⁾ Объ этой ретирадѣ сложена кѣмъ-то такая пѣсня, въ подражаніе: «Nasz Chłopicki wojak dzielny, śmiały»:

Nasz Kurowski dzielny, śmiały
 Poprowadził nas do Skały,
 A ze Skały do Miechowa,
 Gdzie się Moskwa chowa;
 A z Miechowa, w imię Boże,
 Uciekajcie gdzie kto może!...

Н. В.

Въ то же самое время присоединился къ Лангевичу и Чаховскій, съ довольно значительною бандой ¹⁾).

Вся эта масса повстанцевъ, дѣйствительно, могла, если не взять Кѣльцы, то хотя надѣлать тамъ изрядной тревоги. Но все вдругъ перестроилось, вслѣдствіе движенія изъ Радома большаго отряда, въ три роты Могилевскаго пѣх. полка, эскадронъ Новороссійскихъ драгунъ, нѣсколько казаковъ и 2 орудія, подъ начальствомъ подполковника Добровольскаго, посланнаго въ сторону Сташова, на помощь Голубеву и Загряжскому.

Предполагая Голубева въ Опатовѣ, Добровольскій двинулся изъ Радома на этотъ городъ, но узналъ на пути, что Лангевичъ и всѣ банды, которыя къ нему примкнули, находятся на маршѣ къ Кѣльцамъ; а потому немедленно измѣнилъ маршрутъ и пошелъ на Лаговъ, а къ Голубеву послалъ приглашеніе идти на Раковъ, дабы стать на дорогѣ Лангевича къ Кѣльцамъ. Но Лангевичъ узналъ объ этомъ и бросился на Собковъ, откуда форсированнымъ маршемъ перешелъ въ д. Радковъ—версть 5 отъ Малогоща.

Добровольскій не спускалъ его съ глазъ.

Блажившійся за бандами плѣнникъ (изъ котораго штабъ Лангевича, извѣстная отрасль «тарговичанъ», уже потерялъ надежду извлечь серьезныя выгоды) вздумалъ въ Собковѣ бриться.

Цырюльникъ, болтая, какъ всѣ на свѣтѣ цырюльники, всякій вздоръ, сказалъ ему вдругъ, что «русскіе уже въ Хенцинахъ»—то есть въ семи верстахъ отъ Собкова, гдѣ происходило бритье.

Петровъ вскопчалъ и побѣжалъ къ Лангевичу, котораго нашелъ въ страшной тревогѣ: онъ отдавалъ разныя приказанія, видимо забывъ о своемъ плѣнникѣ.

— «Что вамъ?»—спросилъ онъ у Петрова сердито.

Тотъ изложилъ ему вкратцѣ опасность своего положенія между

¹⁾ Петровъ, ѣхавшій за бандою Лангевича въ тельгѣ, видѣлъ присоединеніе къ нимъ Чаховскаго въ одномъ ущелии. Чаховскій шелъ пѣшкомъ, по колѣно въ водѣ, сопровождаемый Пустовойтовой, которая была послана разыскать его партію и вывести на дорогу. Послѣ этого Петровъ ѣхалъ съ нею и еще съ какою-то Каролиной (тоже кавалеристъ-дѣвицей) въ одной тельгѣ. Увязавши однажды свою тельгу въ грязь, всѣ они пошли пѣшкомъ и шли нѣсколько верстъ, пока не встрѣтили какихъ-то жидовъ въ фургоны: отняли у нихъ фургоны и поѣхали дальше. Петровъ, среди всѣхъ этихъ тревогъ и невзгодъ, предавался своему любимому занятію: разрѣшалъ различныя шахматныя проблемы и этимъ услаждалъ свое горе (самъ разсказывалъ объ этомъ автору). Н. В.

двухъ огней и умолялъ отпустить его, какъ ненужнаго и безвреднаго человѣка.

— «Я бы давно васъ отпустилъ, — отвѣчалъ Лангевичъ, — но... я чиновникъ, исполняю то, что приказываютъ ¹⁾... впрочемъ, я переговорю со штабомъ».

Откладывать переговоры было нельзя: послѣ непродолжительнаго совѣщанія, штабъ потребовалъ отъ плѣнника за позволеніе ѣхать немедленно въ Варшаву 10 тысячъ рублей «на лагерныя расходы» и сверхъ того просилъ доставить письмо воеводы въ собственныя руки намѣстника.

Петровъ сказалъ, что письмо доставить очень нетрудно, но взносъ десяти тысячъ рублей находилъ обременительнымъ.

— Ну, внесите хоть 10 тысячъ злотыхъ, — сказали ему.

Петровъ на это согласился и далъ честное слово. Тогда вручили ему паспортъ, весь написанный рукою воеводы, и письмо къ намѣстнику; онъ сѣлъ въ телѣгу и доѣхалъ благополучно до Кѣльць, откуда препровожденъ начальникомъ тамошняго военнаго отдѣла, полковникомъ Ченгері, въ Варшаву 11-го (23-го) февраля, — и произвелъ тамъ разсказами о своихъ походахъ не мало шуму. Тутъ только городъ увидѣлъ настоящую карточку Лангевича, за котораго до тѣхъ поръ продавали какого-то неопредѣленнаго повстанца, говорятъ — брата профессора Ваги.

Въ это время соединенныя банды Лангевича, Куровскаго, Езеранскаго и Чаховскаго заняли Раковъ — деревню въ 20-ти съ небольшимъ верстахъ отъ Кѣльць.

Жондъ народовой (какъ иные думаютъ, подъ вліяніемъ Бобровскаго и Гиллера) приелалъ тогда Лангевичу номинацію на командующаго войсками двухъ воеводствъ: сандомірскаго и краковскаго (10/22 февраля). Куровскій, Чаховскій и Езеранскій, дѣлать нечего, скрѣпя сердце подчинились ему. Лангевичъ произвелъ, на одной равнинѣ близъ Ракова, смотръ всѣмъ войскамъ, которыхъ было отъ семи до восьми тысячъ человѣкъ. Затѣмъ всѣ эти силы двинулись къ Малогощу и стали ждать приближенія нашихъ отрядовъ.

Тѣмъ временемъ, въ Хенцинахъ (13½ верстъ отъ Малогоща) со-

¹⁾ «Jestem urzędnik, robię to co każą». — Все это передано автору самимъ Петровымъ. Н. В.

ставлена начальниками этихъ отрядовъ (полковникомъ Ченгери, подполковникомъ Добровольскимъ и маіоромъ Голубевымъ) диспозиція атаки на Малогощъ, суть которой заключалась въ томъ, чтобы «подойдя одновременно (между 10-ю и 11-ю часами утра 12-го февраля ст. ст.) къ сказанному мѣстечку, ударить на него всѣми силами вдругъ—Ченгери съ сѣвера, отъ Кѣльць; Добровольскій съ востока, отъ Хенцинь, и Голубевъ съ юга, отъ Ендржеева,—и заставить повстанцевъ положить оружіе».

Всѣхъ начальниковъ предполагали при этомъ взять въ плѣнъ, что было весьма возможно, еслибы дѣйствовать дружно и самымъ точнымъ образомъ исполнить диспозицію; еслибы никто изъ предводителей нашихъ отрядовъ не рвался исключительно впередъ—отличиться передъ всѣми. Но этого-то именно согласія и забвенія личныхъ интересовъ для пользы общаго дѣла—тутъ и не было. ■

Добровольскому (вслѣдствіе особыхъ расчетовъ) нужно было попробовать разыграть первую роль, устранить старшаго чиномъ и кончить дѣло одному.

Онъ явился на мѣсто боя раньше всѣхъ, въ 10 часовъ утра, когда Ченгери и Голубевъ находились оттуда еще на значительномъ разстояніи.

Добровольскій выслалъ впередъ драгунъ, съ приказаніемъ «начать перестрѣлку». Едва только пѣхота, находившаяся въ трехъ верстахъ сзади, услышала выстрѣлы, она ринулась бѣгомъ; за нею помчалась и артиллерія—и въ верстѣ отъ Малогоща снялась съ передковъ и пустила въ городъ нѣсколько выстрѣловъ.....

Повстанскія войска были выстроены въ Малогощѣ на городской площади, съ четырехъ часовъ утра, для выслушанія молебствія. Лангевичъ, окруженный большою свитой, объѣхалъ ряды и сказалъ солдатамъ нѣсколько одушевляющихъ словъ. Затѣмъ были выкачены бочки съ водкой и войскамъ было позволено пить сколько душѣ угодно.

Въ 8 часовъ выкачены новыя бочки.

Какая-то огромная баба, съ растрепанными волосами, въ лохмотьяхъ, бѣгала по площади, махая метлой и крича на толпу, которая глазѣла на войска: «что разинули рты? Маршъ на москалей! Въ ряды повстанцевъ!»¹⁾

¹⁾ Показанія плѣнныхъ и брошюра «Wspomnienia Kapitana Wojsk Polskich». Lipsk, 1866, стр. 19. Н. В.

Когда было замѣчено приближеніе отряда Добровольскаго, вожди бандъ размѣстили часть своихъ солдатъ на двухъ холмахъ, вправо и влево отъ города, а прочихъ разставили въ улицахъ.

Едва только грянули первые выстрѣлы нашей артиллеріи, массы повстанцевъ, расположенныхъ на холмахъ (изъ коихъ правый, на лѣвомъ флангѣ непріятельской позиціи, былъ покрытъ густымъ лѣсомъ), спустились внизъ и съ криками «вивать!» потекли на насъ какъ лава. Потомъ слышалось: «разъ-два! разъ-два!» Знаменщики крутили знаменами. Видно было, что движется что-то безпорядочное, дикое, не имѣющее никакого понятія о настоящихъ военныхъ приемахъ, и притомъ пьяное.

Артиллерія подпустила ихъ на картечный выстрѣлъ и дала залпъ: колонны остановились, смѣшались—и вдругъ вся масса пустилась бѣжать назадъ и заняла тѣ же самые холмы.

Подполковникъ Добровольскій рѣшился ихъ атаковать, не смотря на слабыя силы своего отряда. Онъ имѣлъ въ виду то обстоятельство, что майоръ Голубевъ былъ съ холмовъ уже видѣнъ, и это должно было смущать повстанцевъ: дѣйствительно, они постоянно оборачивались въ сторону Ендржеёва—и вскорѣ очутились между двухъ огней; ибо Голубевъ, подойдя со своимъ отрядомъ къ Малогощу, также повелъ атаку.

Повстанцы держались недолго, потомъ бросились бѣжать въ противоположную сторону, по дорогѣ, которую долженъ-бы былъ перерѣзать имъ Ченгери, но онъ еще не явился въ то время со своимъ отрядомъ подъ Малогощемъ.

Долѣ всего держалась на одномъ изъ атакованныхъ холмовъ артиллерія: два орудія, стрѣлявшія картечью. Они взяты были наконецъ первую линейною ротой Могилевскаго полка, изъ отряда Добровольскаго.

Потеря повстанцевъ въ этомъ дѣлѣ считается въ 300 человекъ убитыми и до 500 ранеными. Съ нашей стороны убитыхъ не было вовсе. Раненыхъ 6 человекъ ¹⁾.

Полковникъ Ченгери, сдѣлавъ значительный обходъ, прибылъ къ Малогощу въ половинѣ втораго часа по полудни, когда холмы и горы были уже въ нашихъ рукахъ. Все его участіе въ бою ограничилось тѣмъ, что онъ открылъ огонь по толпамъ, переправлявшимся черезъ рѣку Лясоцинъ, и затѣмъ преслѣдовалъ отступавшихъ, на-

¹⁾ Рассказъ Добровольскаго и Журналъ Военныхъ дѣйствій, №11, стр. 4—5.

равнѣ съ другими отрядами, до деревни Болыминъ, а на слѣдующій день, 14-го февраля ст. ст., близъ дер. Эминны, взялъ неприятельскій обозъ, заведенный, какъ говорили, умышленно въ болото проводникомъ изъ нѣмецкихъ колонистовъ.

Преслѣдованіе остановилось у селенія Влошовы ¹⁾, вслѣдствіе крайне-сбивчивыхъ показаній «языковъ» на счетъ направленія, которому слѣдовали уходящія банды.

По собраннымъ нѣсколько позже свѣдѣніямъ, оказалось, что человекъ до 500 пѣхоты и половина кавалеріи, бывшей съ Лангевичемъ подъ Малогощемъ, направились съ Чаховскимъ къ Св. Кресту, иначе сказать: въ Карпаты Царства Польскаго, гдѣ была чрезвычайно пересѣченная мѣстность и такія лѣсныя трупщобы, среди которыхъ двигаться регулярнымъ отрядамъ не было никакой возможности.

Потомъ: болѣе 500 человекъ бѣжало въ Галицію, гдѣ нѣкоторая часть была арестована австрійцами и разслана по крѣпостямъ: Иглавъ, Ольмицу и Тейфельсбергу ²⁾.

Остальные, съ Куровскимъ, Езеранскимъ и Лангевичемъ, пошли, въ незначительномъ разстояніи другъ отъ друга, на юго-западъ.

Нѣсколько позже открыта была только часть этихъ бандъ отрядомъ свиты Его Величества генераль-майора кн. Шаховскаго ³⁾ (изъ двухъ стрѣлковыхъ ротъ Витебскаго пѣх. полка и полусотни казаковъ), выступившимъ изъ Ченстохова по поводу слуховъ, будто-бы вытѣсненная изъ Мржиглода ⁴⁾ витебцами банда намѣревается напасть на роту того-же полка, стоящую въ дер. Мышковѣ.

Во время поисковъ за этою бандой князь Шаховской узналъ о пораженіи Лангевича подъ Малогощемъ и о движеніи его партіи на юго-западъ Радомской губерніи. Вслѣдствіе чего, посадивъ свою пѣхоту на подводы, онъ двинулся черезъ м. Кромоловъ и Пилицу въ Жарновець, наперерѣзъ пути отступавшимъ повстанцамъ.

¹⁾ 22 версты отъ Малогоща.

²⁾ Трудно объяснить подобныя дѣйствія австрійцевъ при полнѣйшей толеранціи возстанія, возведеніи повстанцамъ формировать во всей Галиціи банды, переходить границу гдѣ и когда угодно, и даже, какъ было упомянуто выше, готовности снабдить возстаніе артиллеріей. Кажется, кое-какія строгости были предпринимаемы время отъ времени австрійцами, просто, для большей «естественности».

³⁾ Назначенъ въ это время частнымъ военнымъ начальникомъ уѣздовъ Олькускаго и Мѣховскаго.

⁴⁾ Отъ Ченстохова на югъ около 35-ти верствъ, болѣею частью по желѣзной дорогѣ. Мышковъ 30 верствъ отъ Ченстохова.

Въ Жарновцѣ было получено извѣстіе, что какія-то банды, направляясь къ м. Скала, перешли черезъ дорогу, ведущую изъ Жарновца въ Водзиславъ, и расположились бивуакомъ около селенія Тарнова ¹⁾.

Князь Шаховской рѣшился атаковать эти банды немедленно съ фронта и пошелъ въ ту сторону черезъ Вольборжъ, давши знать въ Олькушъ майору Медему и въ Мѣховъ майору Штольценвальду, дабы они одновременно обхватили правый и лѣвый фланги повстанской позиціи.

Майоръ Медемъ выступилъ изъ Олькуша 20-го февраля стар. ст., съ двумя ротами 7-го стрѣлковаго баталіона, тремя ротами Витебскаго полка, сотней казаковъ и 50 человекъ пограничной стражи—и первый открылъ повстанцевъ у селенія Сулешова и гналъ ихъ вплоть до Пясковой-Скалы, гдѣ они засѣли въ замкѣ графа Мѣрошевскаго.

Это была банда Езеранскаго ²⁾.

Услышавъ перестрѣлку, колонна Шаховскаго поворотила на дер. Вельможа ³⁾, дабы взять во флангъ неприятельской позиціи, имѣя стрѣлковыя роты въ первой линіи, а линейную въ резервѣ.

Въ лѣсу, который пришлось проходить Шаховскому, стрѣлки его были встрѣчены слабымъ огнемъ повстанской цѣпи, а потомъ наткнулись на большую толпу косинеровъ, расположенныхъ на полянѣ; прогнавъ тѣхъ и другихъ мѣткими выстрѣлами, колонна князя Шаховскаго двинулась впередъ ⁴⁾.

Тѣмъ временемъ, головныя колонны майора Медема, высадивъ прикладами ворота замка, ворвались въ него и перекололи всѣхъ находившихся тамъ повстанцевъ, а замокъ зажгли, причѣмъ сгорѣли значительные запасы кося и разнаго обмундированія.

¹⁾ Кромоловъ верстъ 18 отъ Мышкова, на ю.-в. Пилицы 17 верстъ отъ Кромолова. Скала на югъ отъ Пилицы верстъ 30, отъ границъ верстъ 25. Водзиславъ — на большой дорогѣ изъ Радома въ Мѣховъ, отъ послѣдняго 24 версты.

²⁾ Гиллеръ рассказываетъ, что «Езеранскій, послѣ битвы подъ Малогошемъ, говоритъ, что «если-бъ ему было ввѣрено главное начальство, то онъ не принялъ-бы боя; а если-бъ принялъ, то распорядился бы такъ, что потери было бы гораздо меньше»... Неудовольствіе противъ Лангевича въ бандѣ Езеранскаго росло съ каждымъ часомъ больше и больше. Въ Пясковой-Скалѣ офицеры объявили, что подадутъ въ отставку, если ихъ генералъ не будетъ сдѣланъ главнымъ вождемъ. Езеранскій съ трудомъ ихъ успокоилъ (I, 295).

³⁾ 4 версты отъ м. Скала.

⁴⁾ Тутъ палъ, пробитый пулей, извѣстный дезертиръ нашихъ войскъ, Потебня, идя съ косинерами въ атаку.

Нѣкоторая часть банды, съ предводителемъ, успѣла однако благополучно отступить и скрыться въ лѣсу.

Повстанцы потеряли въ этомъ дѣлѣ до 250 человекъ въ замкѣ и около 150 въ лѣсу.

Наши потери весьма незначительны, именно: въ отрядѣ Медема: 1 рядовой убитъ и 1 раненъ.

Въ отрядѣ Шаховскаго—2 убито, 7 ранено ¹⁾.

Послѣ этого, отряды Шаховскаго и Медема, не имѣя сухарнаго провiantа, возвратились на постоянныя свои квартиры.

Третій отрядъ, маіора Штольценвальда (изъ одной роты 7-го стрѣлковаго баталіона Смоленскаго пѣх. полка, 50 казаковъ и 40 объѣзчиковъ) прибылъ къ м. Скала, нѣсколькими часами позже двухъ первыхъ отрядовъ, когда дѣло подъ Пясковою-Скалою уже окончилось, и расположилъ свой отрядъ бивакомъ, въ полуверстѣ отъ сказаннаго мѣстечка, на кладбищѣ, за каменною оградой.

Въ первомъ часу ночи, при блескѣ мѣсяца (съ 20-го на 21-е февраля стар. ст.), Штольценвальдъ вышелъ изъ-за ограды для слѣдованія на соединеніе съ Шаховскимъ, котораго предполагалъ у Пясковой-Скалы—какъ вдругъ былъ окруженъ большою бандой и снова отступилъ къ кладбищу.

Повстанцы (числомъ около 2,000 человекъ, подъ начальствомъ Лангевича) нѣсколько разъ ходили противъ нашихъ въ атаку, но ничего не могли сдѣлать, встрѣчаемые постоянно мѣткимъ огнемъ нашихъ стрѣлковъ—и наконецъ скрылись въ лѣсу ²⁾.

Утромъ, въ 8 часовъ, 21-го февраля стар. ст., Штольценвальдъ вышелъ изъ-за ограды и направился къ Мѣхову, такъ какъ не имѣлъ при себѣ ни обоза, ни даже котловъ для варки пици. Къ тому-же

¹⁾ Часто бывало, что надъ показаніемъ подобной потери въ нашихъ отрядахъ смѣялись и мы, и повстанцы; между тѣмъ, тутъ нѣтъ ничего удивительнаго и невѣроятнаго. Во первыхъ, бой рѣшалъ въ большинствѣ случаевъ лучшее, дальнѣйшее оружіе; во вторыхъ, повстанцы не умѣли владѣть какъ слѣдуетъ штуцерами: всѣ почти выстрѣлы несло у нихъ вверхъ. Бывали сраженія, гдѣ убитымъ оказывался какой-нибудь отсталый, или черезчуръ увлекшійся, заслававшій въ сторону казакъ. Такъ и показывали въ реляціи одного убитаго казака. И натрунились же повстанцы надъ этимъ однимъ убитымъ казакомъ! Въ Иллюстраціи Postep 1863 г. явился портретъ этого казака! (стр. 74). Когда поляки и польки играли въ домино и нужно было поставить «одина». говорили: казакъ. Это сохранилось и до нашихъ дней.

²⁾ Наши официальные извѣстія. Повстанскіе источники утверждаютъ, что мы были вытѣснены изъ кладбища и какой-то офицеръ при этомъ взялъ въ плѣнъ.

боялся быть атакованнымъ снова еще большими массами повстанцевъ. На помощь Шаховскаго онъ пересталъ рассчитывать, не зная въ точности, гдѣ онъ находится.

Но банды Лангевича и Езеранскаго (Куревскій отъ нихъ отдѣлился) нисколько не думали о новыхъ атакахъ: онѣ двигались черезъ Ойцовъ и Смержовице (гдѣ нашли нерасположенное къ нимъ населеніе и прибѣгли къ экзекуціямъ: одинъ крестьянинъ былъ повѣшенъ и нѣсколько наказаны жестоко палками)—къ дер. Гопцѣ, лежащей въ гористой мѣстности, недалеко отъ Михаловицкой таможи, всего въ 12-ти часахъ отъ Кракова. Имъ нужно было отдохнуть и сообразить, «что дѣлать дальше».

Между тѣмъ, были пущены искусно фальшивые слухи о мѣсто-пребываніи воеводы: на цѣломъ югѣ Радомской губерніи говорили, что онъ раненъ и лечится въ Менцицѣ... не то—въ Ржендовцѣ... не то—въ Гебалтовѣ... а иные утверждали, что Лангевичъ и всѣ высшіе чины его отряда перебрались за границу, и о чемъ-то совѣщаются въ Краковѣ.....

Н. В. Вергъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книгѣ).